

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**БАРС-БЕГ,
КАГАН
КЫРГЫЗОВ**

*под редакцией
академика А.Ч. Какеева*

Бишкек • Илим • 2003

Б – 26

БАРС-БЕГ, КАГАН КЫРГЫЗОВ / Отв. ред. акад.
А.Ч. Какеев. / Бишкек: Илим, 2003 г. – 72 с.

ISBN 5-8355-1260-0

В книгу вошли научные статьи и литературное эссе о Кыргызском каганате на Енисее, о китайских летописях и рунических памятниках, о проблемах истории кыргызской государственности.

Книга издана по инициативе и при финансовой
поддержке Президиума НАН КР

*Одобрено и рекомендовано к печати
Институтом истории НАН КР*

© Издательство «Илим», 2003 г.

Авторитет кыргызского государства, сформировавшегося на Енисее, был тогда связан со славным именем Барс-бега. Это было первое имя кыргызского правителя в древних рунических летописях. Мне кажется, что теперь, когда мы создали собственное национальное государство, имя этого государственного деятеля, прославившего наш народ, должно получить заслуженное признание и засиять рядом с Манасом и именами других кыргызских исторических деятелей.

А.А. Акаев

СЛОВО О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Время летит неумолимо быстро. Говоря о кыргызской государственности, уже можно оперировать такими историческими «мерками», как тысячелетие – со времени Кыргызского великодержавия, полуторатысячелетием – от периода взлета кыргызской государственности наряду с другими общетюркскими государствами, или даже две тысячи двухсотлетие – с конца III в. до н.э., времени с которого ведет отсчет кыргызская национальная государственность. Именно в 201 году до новой эры впервые в китайских источниках упоминается царство Гэгунь, а термин «гэгунь», как известно, употреблялся для передачи этнонима «кыргыз».

Прошедшая в августе 2001 г. авторитетная международная конференция ученых-специалистов из России, Турции, Китая и других стран, посвященная 2200-летию этнонима «кыргыз» пришла к заключению, что при устойчивости этнонима «кыргыз» этнос, который носил это имя в качестве самоназвания, находился в постоянном развитии в непрерывном обновлении в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в Южной Сибири и Центральной Азии в течение двух с лишним тысячелетий. Соответственно трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов в своем развитии. Детальное исследование этого сложного и длительного процесса – дело историков. И наши ученые уже серьезно продвинулись в решении проблем истории кыргызской государственности, хотя многое еще остается неясным. Думается, следует опубликовать свод исторических первоисточников, чтобы на документально обоснованной базе иметь возможность решить вопросы, еще остающиеся дискуссионными.

Предлагаемая читателю книга – одна из серии изданий по истории государственности, запланированной учеными Национальной Академии наук.

Как бы мы не относились к своему прошлому, своей истории, нельзя быть манкуртом, нельзя оставаться нигилистом. Считаю и считаю, что восстановление исторической связи времен важно для любого народа. В прошлом люди ищут генетический код своего духовного потенциала, корни общественного самосознания, нити государственной преемственности.

Побывав вместе с Президентом Кыргызской Республики А.А. Акаевым на земле енисейских кыргызов, мы ощутили связь эпох, услышали из глубины веков голос предков, обращенный к нашим современникам.

Хочется, чтобы это почувствовали и мои соотечественники, прочитав книгу о Барс-беге – великом кагане кыргызского государства VII-VIII вв.

Академик Ж. Жеембаев,

*ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Д. Джунушалиев

КЫРГЫЗСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
В ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

龍門司馬子長
子長名遷，字子長，少時而遭李陵之禍，
下獄，室居，積著書作史記凡五十二萬六千五百字，
劉向、揚雄皆稱其善史記。

Среди многочисленных этносов, обитавших на просторах Центральной Азии с древнейших времен, в силу различных причин нередко менявших не только места обитания, но и этнические имена, кыргызы являются пожалуй единственными, кто на протяжении тысячелетий сохранили этническое самоназвание и самобытность. Такие некогда грозные современники древних кыргызов, как гунны, саки, усунь, кипчаки, появившиеся позже на исторической арене тюрки, тюркешы, карлуки и многие другие, давно исчезли как этнос, поглощенные этническими образованиями.

Что же помогло выстоять нашим предкам в условиях бесконечных войн за лидерство в Центральной Азии, опустошительных походов в регион гуннов, тюрков, уйгуров, монголов, джунгаров и других завоевателей?

Исторический опыт человечества свидетельствует, что главным условием благополучного развития, сохранения самостоятельности и самобытности любого этноса является наличие собственной государственности или же относительная изолированность, труднодоступность региона обитания и наличие таких принципов общественной самоорганизации и самоуправления, которые восполняли бы отсутствие сильной централизованной государственности.

Итак, была ли государственность у кыргызов в древности и на последующих этапах их развития? Сам факт, что кыргызы сохранились как самостоятельный этнос в течение тысячелетий, свидетельствует о наличии государственности у наших предков. Однако в последнее время, особенно в связи с президентским Указом о 2200-летнем юбилее кыргызской государственности, по этому поводу высказываются и скептические точки зрения. Их содержание сводится к следующим моментам:

- Если кыргызская государственность имеет такую глубокую историю, то почему о ней раньше не говорили?
- Не слишком ли преувеличиваются деяния и достижения предков кыргызов, если судить по нынешнему

положению нашей страны, нашего народа в сравнении с ближними соседями?

- Не основываются ли утверждения о наличии столь древней кыргызской государственности на мифах, легендах, а не на исторических документах и доказательствах?

Причин слабой изученности до сих пор истории кыргызской государственности немало.

Первая и главная. Историческая наука Кыргызстана формировалась в советское время. Общеизвестно, что советская историческая наука строго руководствовалась марксистской методологией, сердцевину которой составляли формационный и классовый подходы к изучению исторических процессов. Согласно этой методологии, государства – «это организованное насилие одного класса для подавления другого». Государство возникает с расслоением общества на классы и является продуктом непримиримости классовых противоречий. Как считал Ф. Энгельс, появление государства означало «учреждение публичной власти, которая уже совпадает непосредственно с населением... Эта публичная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода...».

Если придерживаться этого методологического подхода, то кыргызы не только в глубокой древности, но и сейчас не имеют права на свою государственность. Дело в том, что среди кыргызов в свое время было лишь родоплеменное и имущественное расслоение, но никогда не было классового. Почти во всех партийных документах 20-х годов XX в. можно найти «сетование» на отсутствие классового расслоения и классового самосознания в кыргызском обществе. В дальнейшем вся политика советской власти была направлена на создание бесклассового общества. Следовательно, расслоение кыргызского общества по классовым признакам являлось как бы нашей ближайшей перспективой, а собственная национальная государственность, согласно марксистской методологии – перспектива более отдаленная.

Ясно, что в условиях господства формационного и классового подхода и репрессивного режима уже сам «поиск» государственности у кыргызов, не имевших классового расслоения,

воспринят как грубейший отход от марксистской методологии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вторая. В исторической науке Кыргызстана с первых дней ее становления господствовала тенденция преувеличения достижений кыргызского народа в советское время, согласно которой кыргызы почти все приобретали впервые благодаря советской власти: письменность, литературу, искусство и, конечно же, государственность. Исследование истории кыргызской государственности в такой обстановке в лучшем случае закончилось бы навешиванием ярлыка «буржуазного национализма».

Третья. Нельзя забывать и того, что в Советском Союзе существовала своего рода градация народов – на «старших» и «младших». «Младшие» учились, перенимали опыт у «старших» во всем, в том числе в государственном строительстве и управлении.

По поводу следующего опасения скептиков можно напомнить историческую истину о том, что ни один народ, ни одна нация, ни одно государство не развивается только по восходящей линии на всем протяжении своего существования. Этапы усиления, расцвета часто сменяются периодами спада, которые иногда даже завершаются исчезновением с исторической арены. Поэтому современное состояние любой нации, любого государства не есть адекватное отражение их прошлой истории. Так, былая мощь и влияние Древнего Египта, великой Римской империи, держав Александра Македонского или Чингисхана почти незаметны в нынешнем положении Египта, Италии, Македонии и Монголии. Несопоставимы и мощь, влияние и вес России в мире всего лишь пятнадцатилетней давности и нынешние.

Древние и раннесредневековые кыргызы, как свидетельствуют исторические документы и факты, в численности, силе и организованности почти не уступали соседним народам и государствам. Внимательное изучение истории народов и государств Центральной Азии показывает, что любая будущая центральноазиатская держава на своем пути становления сначала должна была преодолеть своеобразный «барьер» кыргызов, которые так же боролись за лидерство в регионе. Это видно из истории становления гуннской державы, тюркских каганатов,

уйгуров и Чингисхана, государства джунгаров. В процессе такого соперничества кыргызам удалось создать в IX в. свое великодержавие, которое было «ровесником» Киевской Руси и империи времен франков Карла Великого.

Наконец третий и, пожалуй, самый «веский» аргумент скептиков – якобы слабая документальная доказательность существования древней кыргызской государственности.

Прежде чем перейти к документальным подтверждениям кыргызской государственности, попытаемся разобраться в сущностных признаках государственности и формах ее функционирования.

Согласно современной социологии сущностными признаками государственности являются:

- возникновение власти, которая не отождествляет себя со всем обществом, т.е. власти одних людей над другими;
- территориальное разделение населения, в котором уже не учитываются кровные связи;
- появление групп людей, профессией которых стало управление, а не производительный труд, т.е. возникновение государственного аппарата;
- появление различного рода налогов и поборов.

В перечисленных основных признаках государственности, на наш взгляд, не хватает, по крайней мере, еще двух:

- наличие общепризнанных законов, регулирующих внутригосударственные отношения;
- наличие внешних дипломатических, торговых и других отношений, т.е. признанность данной государственности другими государственными образованиями.

Что же касается основных форм существования государственности, то на протяжении истории человечества выработаны известные в науке следующие формы:

- государственная автономия в составе другого государства, когда самостоятельная власть автономного образования осуществляется в пределах, определенных высшей властью государства, в состав которого оно входит (такова была кыргызская государственность в 1924 – 1936 гг.);

- федерация – союз государств, которые, сохраняя в ряде вопросов самостоятельность, создают единые федеративные государственные органы, гражданства и армию;
- конфедерация – постоянный союз государств, организованный для осуществления определенных целей, преимущественно внешнеполитических и военных;
- самостоятельное в осуществлении своей внешней и внутренней политики суверенное государство.

Что же говорят древнейшие письменные источники о государственности кыргызов?

Первым по времени памятником китайской официальной историографии являются «Исторические записки» («Шицзи») Сыма Цяня – «отца истории в Китае». «Записки» охватывают историю с древнейших времен до 98 г. до н.э. Сыма Цянь в своем труде зафиксировал, в частности, что при Модэ (Огуз-хане) «Дом гуннов» чрезвычайно усилился и возвысился, «вследствие они (гунны – Д.Д.) *покорили владения Хуньюй, Кюше, Динлин, гэгунь (кыргызы) и Цайли*; посему старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым (способнейшим, оразованнейшим и добродетельнейшим).

Академик В.В. Бартольд, опираясь на сведения того же Сыма Цяня, констатирует, что «гунны на севере, между прочим, *подчинили себе царство Гэгунь* (в транскрипции де Грота К к-к-ин), по-видимому, в 201 г. до н.э..

Другой исследователь истории древних кыргызов, Н.А. Аристов, подчеркивает, что «древнейшее упоминание о кыргызах и их *стране* относится к 209-201 гг. до н.э., когда в числе северных *владений*, покоренных жаньюем гуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином.

Дополнительные сведения о древнейшей кыргызской государственности находим в «Истории старших Хань» (206 г. до н.э. – 25 г н.э.), автором которой был Бань Гу (умер в 92 г. н.э.). В его повествовании о событиях второй половины I в. до н.э. кыргызы упоминаются под названием гяньгунь. Сказано, что один из представителей царствовавшего дома гуннов Чжичжи в результате междоусобицы передвинулся на запад, в страну

по соседству с *владениями народа усунь* в 49 г. до н.э. «Ударив на усуньцев, разбил их; отселе, поворотив на север, ударил на Угйе. Угйе покорился и Чжичжи при помощи войск его разбил на Западе Гяньгунь; на севере покорил Динлин. **Покорив три царства**, он часто посылал войска на Усунь, и всегда одерживал верх».

Что *Гегу, Гэгунь, Гяньгунь, Гагяс, Хагас, Хакянсы* – название одной и той же страны и народа, мы узнаем из «Тан-шу» («История династии Тан»), где сказано: «Хакянсы, Хагас есть древнее государство Гяньгунь». По мнению Н.А. Аристова, названия Гэнгунь и Гяньгунь «представляют только различные транскрипции слова *кыргыз*: Гегу (к е-ки, К е-кои, К - ки и пр.) где не достает в середине отсутствующего в китайском языке звука «р» и окончания «с» или «з», в гегяс (к е-к а-) и *хагас* (к и-к а- , а-ка-) не хватает только «р». В «Юань-шы» (История монгольской династии, под владычеством которой китайцы вынуждены были ознакомиться с более правильным произношением монгольских и тюркских имен) *кыргыз* пишется уже близко к истинному произношению ки-ли-ки-з с заменой «р» на «л».

Из приведенных выше сведений о кыргызах и их стране, о взаимоотношениях с соседями вытекает следующее:

- во-первых, во всех источниках понятия **владение**, **страна** и **царство** употребляются как идентичные, что в совокупности с другими сведениями, о которых речь будет идти ниже, позволяют утвердительно говорить о наличии государственности кыргызов к концу III в. до н.э.
- во-вторых, покорение гуннами соседних территорий и их населения вовсе не означало включения их в состав своей державы. Это наше предположение подтверждается и Н.Я. Бичуриным. По его пояснению, «покорившиеся вообще назывались инородцами зависимых владений».

Если судить по китайским письменным источникам, эта «зависимость» чаще была номинальной и кратковременной, что обуславливалось в первую очередь специфическими особенностями образа жизни и общественных отношений кочевников, а также системой государственного управления страной гуннов, которая представляла широкую автономию регионам. В «Исто-

рических записках» Сыма Цяна указано, что в государстве гуннов «установлены были: 1) Восточный и Западный Чжуки-князь; 2) Восточный и Западный Лули-князь; 3) Восточный и Западный великий предводитель; 4) Восточный и Западный великий Дуюй; 5) Восточный и Западный великий Данху; 6) Восточный и Западный Гуду-хэу. У гуннов мудрый называется Чжуки; почему наследник престола всегда бывает Восточным Чжуки-князем. От Восточного и Западного Чжуки-князей до Данху высшие имеют по 10 тыс., а низшие по несколько тысяч конницы... Каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывали с места на место смотря по приволью в траве и воде». При этом, как свидетельствуют китайские источники, чжуки-князя не всегда согласовывали свои действия даже в вопросах войны и мира с верховным шаньюем. Так, в 177 г. до н.э. гуннский Западный чжуки-князь самовольно переводит свои кочевья ближе к границам Китая и устраивает набеги на китайские территории. В письме Модэ – шаньюя (Огуз-хана) китайскому императору по этому поводу говорится: «Китайские пограничные чиновники оскорбляли Западного Чжуки-князя, и он без представления (ко мне) по совету Илу-хэу Наньчжи и прочих вступил в ссору с китайскими чиновниками, нарушил договор между двумя государями, разорвал братское родство между нами, и поставил Дом Хань в неприязненное положение с соседственной державою... Как нарушение договора последовало от низших чиновников, то Западного Чжуки-князя в наказание отправили на запад на Юэчжи».

Известную свободу в действиях представляла и сила «зависимых владений», которыми управляли чжуке-князя. В 90 г. до н.э. гунны дважды устраивали нашествие на китайские земли. Поэтому китайский двор против гуннов отправил войска численностью 140 тыс. конницы под командованием полководца Ли Гуанли (эршыский). Восточный чжуки-князь, собрав свой народ, отступает в глубь своей территории. Китайское войско, не встретив врагов, возвращается обратно. «Но гуннский Великий предводитель и Ли Лин (младший брат китайского полководца Ли Гуанли, перешедший к гуннам и получивший в правление кыргызские владения. – Д.Д.) с 30000

конницы преследовали китайское войско до гор Сюнги и сражались девять дней. Китайское войско понесло убыль в людях, и наконец дошли до реки Пуну».

Конечно же, такое преимущество в силах и организованности «зависимых владений» позволяло им устраивать нашествия самим гуннам. Так, в 64 г. до н.э. «динлины, пользуясь слабостью гуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы с запада. Сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек, и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец... Со следующего года (63г. до н.э.) динлины сряду три года производили набеги на земли гуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек, угнали множество лошадей и рогатого скота. Гунны посылали за ними 10000 конницы, но без всякого успеха».

Военная мощь кыргызов и политический вес кыргызской аристократии позволили им активно участвовать в дворцовых интригах и переворотах государства гуннов. Так, аристократия кыргызов и их правитель сын Ли Лина провозглашают в 56 г. до н.э. верховным шаньюем гуннской державы Уцзи-дуюй (*дуюй* 4-ая ступень иерархической лестницы чиновников государства), не имеющего никакого отношения к роду правителей.

Все эти факты говорят о том, что кыргызы, как и все другие «зависимые владения» в составе государства гуннов пользовались широкой автономией, доходящей до полной самостоятельности. В противном случае зачем бы понадобилось повторное покорение Чжичжи-шаньюем царств Угйе, Гяньгунь и Динлинов в 49 г. до н.э.? Правда владычество Чжичжи над кыргызами было кратковременным – около 3 лет.

Факты автономности кыргызов, существование верховного правителя не отрицают, а подтверждают наличие у них государственности.

Но были ли другие существенные признаки наличия государственности у кыргызов – такие как территория, чиновничий аппарат, налоги, поборы, общепринятые законы и правила, внешние дипломатические и торговые сношения и др.?

Территория. О владении древних кыргызов в «Истории династии Тан» имеются такие сведения: «Хягас есть древнее государство Ганьгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашары на север, подле Белых гор... впоследствии Чжичжи Шаньюй, покорив Ганьгунь, утвердил здесь свое пребывание (с 49 по 46 г. до н.э. – Д.Д.), в 7000 ли от орды Восточного Шаньюя на запад, в 5000 от Чежы на север». В другом месте этого же сочинения даются более точные координаты кыргызского царства: «Хягас сильное государство, по пространству равнялось тукюеским владениям (Восточно-Тюркскому каганату – Д.Д.). Тукюеский Дом выдавал своих дочерей за их старейшин. На восток простиралась до Гулиганы (Байкал. – Д.Д.), на юг до Тибета, на запад до Гэлолу (карлуков. – Д.Д.)».

Все эти сведения неопровержимо доказывают, что древнекыргызское государство простиралось на огромной территории – от Байкала на севере до Тибета на юге: от Западной Монголии на востоке до Юго-Западного Алтая на западе.

Наличие верховной власти, не отождествляющей себя со всем обществом. Если до покорения гуннами Гегуни и Динлины имели свое царство, то наличие верховного правителя бесспорно. Что же случилось после того, когда страна кыргызов стала *зависимым владением*?

В китайских источниках имеются сведения о назначении правителями Ганьгунь и других северных стран сановников китайского происхождения, перешедших на службу к гуннам. В самом конце II в. до н.э. на сторону гуннов перешел Вай Люй, сановник кочевого происхождения, но получивший китайское образование и находившийся на службе в Китае. По сведениям «Истории династии Тан» (618 – 907 гг.), Вай Люй был поставлен государем динлинов. В 99 г. до н.э. после долгого сопротивления попал в плен к гуннам китайский полководец Ли Лин. Гуннский Шаньюй оказал Ли Лину должное уважение за отвагу и таланты, женил на своей дочери, дал во владение страну Хягас. Он умер в стране Хягас в 74 г. до н.э., после чего среди высших сановников гуннов упоминается его сын. В примечании в переводе этого места «Исторических записок» Сыма Цяна у Н.Я. Бичурина сказано, что

«Ли Лин остался у гуннов и получил во владение Хягас, где потомки его *царствовали* почти до времен Чингис-хана». Из «Истории династии Тан» известно и то, что «потомком Ли Лина считался кыргызский каган, положивший в 840 г. конец уйгурскому государству и умерший в 847 г. Так как династия Тан принадлежала к тому же роду Ли, то кыргызский каган во время переговоров 841 г. был признан родственником правящей в Китае династии».

Таким образом, функционирование верховной власти в кыргызском царстве, не отождествляющей себя со всем обществом, к тому же с китайским происхождением, подтверждается письменными источниками.

Государственный аппарат древнекыргызской государственности. В отношении иерархической лестницы государственного управления кыргызов «История династии Тан» сообщает следующее: «Государь (кыргызов – Д.Д.) называется Ажо... Чиновники разделяются на шесть разрядов, как то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и даганы. Министров считается семь, главноначальствующих три, управителей десять. Все они заведывают войсками. Делоправителей считается пятнадцать: предводители и даганы не имеют чинов (штатного числа)».

Н.А. Аристов и видный синолог Шотт считают, что «признак высокой культуры кыргызов в довольно сложной системе чиновничьей иерархии, быть может, вывезен Ли Лином из Китая». В частности Н.А. Аристов пишет, что «по китайскому описанию чиновники разделяются на шесть разрядов, как то: министры, главноначальствующие, управители, делоправители, предводители и даганы. Министров считается семь (в другом месте, где они названы беями, только три), главноначальствующих три, управителей десять. Все они заведывают войсками. Делоправителей пятнадцать. Предводители и даганы не имеют чинов... Министры государя хагасов (кыргызов) назывались бей (гэси-бей, гуйшаба-бей, ами-бей). Бей, бек, бег по-тюркски начальник, старшина». На первый взгляд, Н.А. Аристов повторяет Н.Я. Бичурина в перечислении чиновничьей иерархии древнекыргызской

государственности. Однако в его сообщении есть имеющий исключительное важное значение момент. По его данным, министры у кыргызов назывались бей. Правда он считает, что *бей, бек, бег* – тюркское слово, означающее «начальник, старшина». На наш взгляд, правильное произношение должности не *бей, бек и бег*, а чисто по-кыргызски *бий*. Так назывались кыргызские правители до начала XIX в., пока не вошло в обиход слово манап.

Таким образом, наличие сложной иерархии государственного аппарата у древних кыргызов подтверждается и китайскими письменными источниками, и исторической народной памятью. До сих пор время безвластия и анархии кыргызы называют: «Ай! Деген ансо жок, кой! Деген кожо жок» («нет сдерживающего ажо, запрещающего кожо») или «Туугандуу бийде ыйман жок, ыймандуу бийде тууган жок» («У справедливого бия нет сородичей, у бия с сородичами нет справедливости и чести»).

В китайских письменных источниках имеются сведения и о других признаках государственности, таких, как налоги и сборы, законы и правила регулирования общественных отношений, внешние дипломатические и торговые сношения. «Исторические записки» Сыма Цяня сообщают, что в кыргызском государстве «ясачные вносят подати соболями и белкою», «законы их очень строги. Произведший замешательство перед сражением, не выполнивший посольской должности, подавший неблагоразумный совет государю, так и за воровство, приговариваются к отсечению головы. Ежели вор имеет отца, то голову его вешают отцу на шею, и он до смерти обязан носить ее».

Древнекыргызское государство поддерживало дипломатические отношения почти со всеми соседними государствами. Однако больше сведений сохранилось о кыргызско-китайских отношениях. В 632 г. китайский император Тайцзу отправляет своего посла в государство кыргызов, что подтверждает самостоятельность внешней политики правителя кыргызского государства, имеющего титул «элтебер». В китайских источниках сохранились сведения о том, что в 643 г. к императору Тайцзу прибыл посол Кыргызского каганата, «преподнес-

ший ему шубу из меха куницы, а также чучело куницы». Кыргызские посольства при китайском дворе были и в 648, 653 и 675 годах. В 648 г. глава енисейского кыргызского государства элтебер Ышбара был принят в ставке Танского императора в торжественной обстановке, со всеми полагающимися его статусу почестями.

В конце VII – начале VIII в. кыргызским каганатом правил смелый, умный и искусный политик Барс-бег. Во время его правления кыргызские послы регулярно посещали восточные государства – Китай, Тибет и Тюркешские каганаты. Каганы Второго Восточно-Тюркского каганата также с целью иметь отношения с кыргызским государством, выдали замуж за Барс-бега дочь кагана. Эти сведения сохранились в надписи на памятнике Кюль-тегину. Тексты на памятнике тюркскому полководцу Тонькуку извещают о том, что Барс-бег добился создания военной коалиции против Восточно-Тюркского каганата с табгачами (китайцами), тюркешами и тюркскими родами чик и аз.

В 711 г. император Танской империи получает весть о том, что кыргызские послы прибыли в Тибет и продолжают переговоры с этим государством о союзе против Восточно-Тюркского каганата. В 722 г. ставку Танской династии посетил кыргызский посол Исиби Шейчиси-Биши тегин (сын кагана). Туда же прибывали послы кыргызского кагана в 723, 724, 747, 748 годах.

Об активной деятельности внешнеполитической жизни кыргызского государства свидетельствуют и тексты надписей на памятниках. Так, надпись на памятнике в местности Берге (на берегу Енисея) содержит сведения о высокопоставленном и уважаемом человеке по имени Терпе, который в 15 лет был направлен к китайскому императору на воспитание. Памятник, найденный в местности Хервис-Баары Тувы повествует о том, что принц Кулуг-ийче в 27-летнем возрасте был отправлен послом в народ Тогуз татар. Посол по имени Эрен Улуг был послан в Тибетское государство, и это событие енисейский письменный памятник объясняет так: «За храбрость я был направлен послом в Тибетское ханство».

Китайские источники сообщают, что кыргызское государство всегда было в дружественных связях с Тибетом, с тюргешами и карлуками. Между реками Тес и Эрта, в нынешней Тыве, обнаружен памятник, Надпись на котором содержит текст о после Эзгене, умершем в 26-летнем возрасте в Тюргешском государстве.

В VIII в. тюргеша и карлуки были своего рода «посредниками», и способствовали тому, чтобы енисейские кыргызы имели доступ к Великому Шелковому пути и укрепляли торговые взаимоотношения с тибетскими и мусульманскими странами. Кыргызы экспортировали чистопородных скакунов, меха, бивни мамонтов, стволы ценных деревьев, вооружение из железа и стали. Из иных мест к кыргызам завозились шелк, фарфоровая посуда, кораллы, зеркала, кувшины, морские раковины.

Как видим, китайские письменные источники, а также орхоно-енисейские надписи на памятных камнях неопровержимо свидетельствуют о наличии государственности у кыргызов и в древности, задолго до образования кыргызского великодержавия.

Сущностные признаки древнекыргызской государственности более чем 2200-летней давности вполне соответствуют современным высоким требованиям к государственным образованиям.

В. Мокрынин, В. Плоских

**КАГАН БАРС-БЕГ
и государственность
енисейских
КЫРГЫЗОВ**

УТОПИЯ

В XII в. великий поэт Востока Низами Гянджеви в поэме «Искандер-наме» описал благословенную страну Кыргыз и ее богоспасаемую столицу, где якобы с большим почетом принимали Александра Македонского не как великого завоевателя, а как желанного гостя. Александр, который завоевал (а следовательно, знал) полмира, был поражен порядками, царившими в стране Кыргыз. Пышные сады с роскошными плодами никто не охранял, тучные стада паслись без пастухов, лавки с красным товаром стояли без сторожей и запоров, но все добро было в целости и сохранности и не было злодеев, которые посягнули бы на него. Царь и народ были в полном согласии, среди кыргызов не было бедных и обездоленных, униженных и угнетенных. Страна Кыргыз, по мнению средневекового мыслителя, была страной всеобщего благоденствия, счастья, братства и равенства.¹

Основой правового средневекового государства Кыргыз, считал Низами, была праведная жизнь, где не было чрезмерных желаний, чтился каждый человек, независимо от его положения, где напрочь отрицалась власть «золотого тельца».

«Серебра мы не ценим и золота тоже,

Здесь они не в ходу и песка не дороже» –

говорили кыргызские мудрецы.

С достоинством поведали старейшины о порядках, царивших в обществе кыргызов Енисея:

«Помогая друзьям всеблагову в угоду,

Мы свою не скорбя переносим невзгоду,

Если кто-то из нас в недостатке большом,

Или малом, и если мы знаем о том,

Всем поделимся с ним. Мы считаем законом,

Чтоб никто и ни в чем не знаком был с уроном.

---

¹ *Низами. Пять поэм.* – М., 1968. – С. 765, 769–775.

Мы имуществом нашим друг другу равны,
Равномерно богатства всем нам вручены.
В этой жизни мы все одинаково значим,
И у нас не смеются над чьим-либо плачем.
Лжи не скажем вовек. Даже в сумраке дрёмы
Неправдивые сны нам, о царь, незнакомы».

Утопия? Без сомнения. Но в этой утопии проглядывают и реальные черты жизни кыргызов. Такое представление поэта, творившего в Закавказье (совр. Азербайджан), об очень далекой стране Кыргыз свидетельствует о высокой репутации и славе государства на Енисее далеко за его пределами.

Это было редчайшее явление в истории Южной Сибири – создание государственности не пришельцами с юга или запада, а коренным народом – средневековыми кыргызами.

ГОСУДАРСТВО КЫРГЫЗ

Средневековое население Минусинской котловины в греческих источниках именовалось херкис, в арабских и персидских – хырхыз, хырхыр, в средневековых китайских – в основном сяцзясы, цзилнцисы, в рунических древнетюркских и уйгурских, а также согдийских – кыргыз. Последний термин точно передавал самоназвание народа.

Кыргызы оставили яркий след в истории Южной Сибири и Центральной Азии, но сведения о них в письменных источниках скудны и отрывочны. Известно лишь, что в VI-XII вв. они занимались скотоводством и земледелием, удачно охотились на лосей, кабаргу и пушных зверей, используя гончих собак (тайганов) и лыжи. Значительного развития достигли ремесла, особенно выплавка железа и кузнечное дело. Торговали с Китаем, Восточным Туркестаном и Средней Азией. Покупали иноземные шелковые ткани, лемехи для плугов и роскошные сосуды. Выменивали меха у «лесных народов» на ремесленные изделия и хлеб. Продавали скот, пушнину,

мускус, ископаемые бивни мамонта, ценные сорта капа (нароста на березах), чрезвычайно прочные и острые мечи.

Кыргызы жили большими патриархальными семьями. Многоженство было обычным явлением. За невесту выплачивали калым скотом, числом иногда до тысячи голов. Одежду богатых шили из привозных шелковых тканей, собольих и рысьих мехов, бедноты – из овчин. Знать можно было отличить по высоким белым войлочным колпакам с загнутыми вверх полями. Эта древняя особенность сохранилась на Тянь-Шане до сих пор в традиционных головных уборах мужчин (отсюда иносказательное самоназвание кыргызов в эпосе «Манас» – аккалпактуу).

Кыргызы были язычниками, а верховными божествами они считали супружескую чету Тенгри и Умай. Наиболее ярко их язычество описал персидский историк Гардизи: «Кыргызы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят:

«Огонь – самая чистая вещь: все, что попадает в огонь, очищается; так и мертвого огонь очищает от грязи и грехов». Некоторые из кыргызов поклоняются корове, другие – ветру, третьи – ежу, четвертые – сороке, пятые – соколу, шестые – красивым деревьям. Среди них есть люди, которые называются фагинунами (?); каждый год они приходят в определенный день, приводя музыкантов, и готовят все для веселого пира. Когда музыканты начинают играть, фагинун лишается сознания; после этого его спрашивают обо всем, что произойдет в том году: о нужде и изобилии, о дожде и засухе, о страхе и безопасности, о нашествии врагов. Все он предсказывает и большей частью бывает так, как он сказал»². Это первое подробное описание камлания кыргызских бакши – шаманов.

Раннефеодальное государство енисейских кыргызов представляло собой сложную этносоциальную общность, состоявшую из этноса-элиты (собственно кыргызы) и ряда подвластных им племен (кыштымов), занимавших разные места в обществе. Кыргызы делились на племена. В составе кыргызов известны явно привилегированное племя доблестного на-

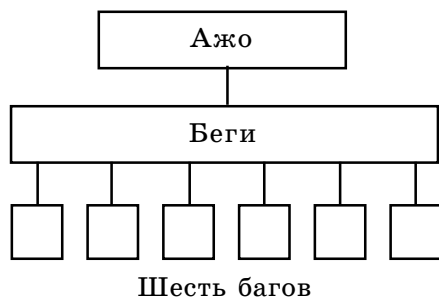
---

² Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Соч. – Т. VIII. – М., 1973. – С. 48.

рода булсар и народ ач, который платил дань кыргызам. Самую низкую ступеньку занимали горно-таежные племена охотников и оленеводов. Положение племени дубо в системе кыргызского государства китайский источник характеризует следующим образом: «Хагясы (кыргызы. – *Ред.*) ловят и употребляют в работу»³. Таким образом, государство Кыргыз на Енисее представляло собой устойчивое этносоциальное объединение раннефеодального типа с соответствующими строю государственными институтами.

К концу VII в. сложилась административно-военная система государства, верховный правитель которого в зависимости от внешнеполитических успехов получал титул «эльтебер», «ажо» или «каган». Обращает на себя внимание, что наряду с общетюркской феодальной титулатурой («эльтебер», «каган») кыргызские верховные правители имели титул «ажо». По-видимому, это сугубо кыргызский титул, примерно равный общетюркскому титулу «инал». Титул «ажо» имел длительную историю. Он сохранялся тысячелетиями. Последним носил его адерский судья из кыргызов Ботя-ажо, подписавший договор с красноярскими казаками в 1701 г.⁴

Структура государственного устройства была предельно проста:

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 354.

⁴ Кызласов Л.Р. О титуле государя хакасов «ажо» и времени исчезновения рунической письменности на Енисее // Северная Евразия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С. 218–219.

Важнейшим символом государства Кыргыз было алое знамя. Сами кыргызы иногда именовали свое государство Государством Алого знамени. Этот символ государства Кыргыз на Енисее сохранили воины Манаса, которые ходили в бой под красным знаменем (Кызыл Туу) и зеленым штандартом (Кок Асаба). Красное знамя, отражая глубочайшие традиции, в наши дни является символом суверенной Кыргызской Республики⁵.

Вся территория средневекового государства Кыргыз делилась на шесть округов (багов). В цитированном выше сообщении Гардизи названы шесть фетишей, которым якобы поклонялись кыргызы. На наш взгляд, они могли соответствовать названиям и символам шести багов. Таким образом, были баг коровы, ветренный баг, багежа и т. д. по Гардизи. В багах властвовали крупные феодалы – беги. Судя по тому, что ажо или каган тоже имел титул «бег», в феодальной иерархии кыргызов верховный правитель был лишь «первым среди равных». В IX в. собственно кыргызы могли выставить 30 тыс., а вместе с ополчением вассальных племен – 100-110 тыс. воинов. Отсюда можно получить весьма примерные демографические данные. Известно, что в средневековье один воин приходился на пять человек населения (женщин, детей, стариков). Следовательно, собственно кыргызов было около 150 тыс. человек, а все население государства Кыргыз не намного превышало полмиллиона человек.

В VI-VIII вв. история кыргызов характеризуется постоянной борьбой за независимость. В 554-555 гг. земли по Енисею тюркский владыка Мухан-каган использовал в качестве источника рабов и первоклассного вооружения, которое здешнее население, согласно летописи, делало из метеоритного железа. Как отмечает китайская хроника 583 г., кыргызы «со скрежетом зубным» ожидали своей возможности отомстить тюркам. Поэтому тюркские каганы рода Ашина разместили на Енисее сильные гарнизоны.

После падения Первого Тюркского каганата в 630 г. кыргызы обрели долгожданную свободу, но не надолго, потому что

---

⁵ Эсен уулу Кылыч. Красивое алое знамя//Кут Vilim. – 1993. – 14 апр.

предки кыпчаков – племена сиров (сеяньто) – под водительством кагана Иенчу Бильге заняли почти все земли восточных тюрков. Границами Сирского каганата стали Алтай, Хинган, Гоби и Керулен. Иенчу Бильге-каган, завоевав земли енисейских кыргызов, держал там «для верховного надзора» своего наместника – эльтебера. После разгрома сиров уйгурами в июне 646 г. началось усиление государства енисейских кыргызов. В 648 г. их посольство впервые было принято императором Китая, который достиг тогда вершины могущества. Шибоцую-эльтебер, возглавлявший его, получил высокий военный чин. Формально государство Кыргыз, как и вся Центральная Азия, попало под протекторат Китая, и кыргызские правители использовали покровительство империи для усиления своих позиций среди кочевников.

ЭПОХА БАРС-БЕГА

Государство Кыргыз достигло могущества в конце VII в., когда его возглавил ажо Барс-бег. Он стал во главе государства Кыргыз в эпоху коренных политических преобразований в Центральной Азии. Время императора династии Тан – героя и победителя тюрков – Тайцзуна кануло в Лету. Его наследники, недалекие, изнеженные и ленивые, отошли от государственных дел, погрязли в династийных интригах. Кризис династии не замедлил сказаться на ее внешнеполитическом авторитете.

В это время заволновалась казалось бы навсегда раздавленная и униженная китайцами Великая степь. В 680 г. восстали тюрки. Сначала восстание имело успех, но потом храбрые и опытные китайские пограничные ветераны разбили толпы плохо вооруженных и неорганизованных тюрков. Один из членов тюркской династии Ашина, которая возглавляла Тюркский каганат до разгрома его Китаем в 630 г., с 17 сподвижниками в 681 г. оторвался от преследования и бежал в горы Иньшань, где продолжал борьбу. Храбреца звали Кутлуг.

Положение горстки беглецов было отчаянным. «...Мы жили там, питаясь оленями и питаясь зайцами, – образно отмечено в эпитафии Тоньюкука, – враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были для них падалью». Но идея свободы уже овладела массами тюрков. К Кутлугу со всех сторон стекались недовольные: обнищавшие кочевники, столь же нищие тюркские аристократы и даже жители городов и селений, мечтавшие вернуться к вольной кочевой жизни.

Вскоре отряд Кутлуга состоял уже из 700 воинов (5 тысяч – по китайским хроникам). Многие приходили пешими. На одну треть отряд состоял из пехоты. Такое безлошадное войско было совершенно не пригодно для мобильной и маневренной войны в степях. Да и прокормить «оленьями и зайцами» можно 17, но не 700 и тем более не 5000 человек.

Кутлуг идет на следующий авантюрный поступок. Он, рискуя приобрести новых непримиримых врагов, неожиданно совершил лихой набег на кочевавших к северу от гор Иньшаня токуз-огузов и угнал много скота. Только после этого, отмечает китайская летопись, Кутлуг «стал сильным».

На сторону повстанцев перешел Тоньюкук, который сразу стал «мозгом и нервом» тюркского возрождения.

Тоньюкук принадлежал к аристократическому роду древних тюрков Ашидэ. Это был второй по знатности после каганского рода Ашина род, который играл важную политическую роль в каганате тюрков. Законными женами тюркских каганов Ашина считались жены из рода Ашидэ. Только сыновья кагана от женщин из рода Ашидэ становились наследниками престола.

Тоньюкук родился в период унижения тюрков после разгрома каганата китайцами. Получил образование в Китае, занимал привилегированное положение. Он глубоко изучил не только китайский язык и письменность, но, что очень важно, военную организацию империи Тан, ее достоинства и недостатки, ее сильные и слабые стороны. Особо Тоньюкук интересовался картами, на которых были обозначены трудные и легкие пути из Великой степи в Китай и обратно. Тоньюкук получил китайское имя Юаньчжень, вращался в среде

китайской знати и производил впечатление вполне довольного и лояльного окитаенного тюрка. Таких, как Тоньюкук – Юаньчжень, было немало при китайском дворе.

Когда тюрки восстали, Тоньюкука в 681 г. отправили к Кутлугу в Иньшаньские горы, дабы уговорить его «искупить вину». Вырвавшись за пределы Китая, Тоньюкук немедленно перешел на сторону своих соплеменников и сразу был назначен Кутлугом «апатарканом», то есть главнокомандующим немногочисленных сил тюрков. Тоньюкук немедленно занялся их реорганизацией и обучением.

Кроме армии, Тоньюкук занялся и общетюркской политикой. По его инициативе Кутлуг был провозглашен каганом с тронным именем Ильтериш, младшие братья его получили высшие тюркские титулы – «шад» и «ябгу». Сам Тоньюкук стал еще и «бойла бага тарканом», то есть кем-то вроде государственного советника. Провозглашение Кутлуга каганом, как справедливо расценил Тоньюкук, имело не только большое моральное воздействие на патриотические чувства тюркских племен, но и еще большее практическое значение. Те тюркские племена, которые еще не примкнули к антикитайскому движению, были поставлены перед очень непростой дилеммой: на чью сторону стать – сильного, но чужого, китайского императора или еще слабого, но родного, тюркского кагана? История свидетельствует, что общетюркская солидарность еще не исчезла. И тюрки поддержали Ильтериш-кагана Кутлуга.

В 682 г. сильные отряды тюрков во главе с Ильтеришем и Тоньюкуком вторглись в Китай. Они разгромили четыре округа и осадили ставку наместника в Шаньси. Против Ильтериш-кагана и Тоньюкука выступила регулярная армия. О возросшей силе тюрков говорит тот факт, что они решили дать открытый бой профессиональным войскам Китая. Решающее сражение произошло под Синьчжоу. Тюрки одержали полную победу. Китайцы отступили, оставив на поле боя 5000 убитых. Весь Северный Китай был разграблен.

Итак, железной волей и недюжинным государственным разумом тюркских вельмож, отчаянной храбростью и стойкостью

рядовых тюркских воинов каганат тюрков в Великой степи был воссоздан. Историки назвали его Вторым Тюркским каганатом. Воссоздание собственного каганата было громадным успехом тюрков. Ильтериш-каган наложил свою тяжелую руку на все кочевые племена к северу от Великой Китайской стены. Великая степь согнулась от этой тяжести, но готовилась к реваншу.

Несмотря на успехи, военно-политическое положение тюрков не было благоприятным. Они оказались в окружении врагов-кочевников, располагавших не менее храбрыми и вышколаченными конниками, чем тюрки. Недовольных возглавил огузский Баз-каган, который тайно послал своих дипломатов в Китай и к киданям для координации выступления против Ильтериш-кагана с севера, юга и востока.

Но у Тоньюкука была хорошая разведка и все тайное стало явным. Он предложил разбить врагов поодиночке. Тюркские отряды в 689 г. были брошены на север и наголову разбили группировку Баз-кагана в битве на реке Толе. Одновременно отряды во главе с братом кагана Мочжо напали на военный округ Цинпин и не позволили китайской армии подать помощь огузам. Сам Тоньюкук повел отряды тюрков на Тянь-Шань, где сразился с тюргешами.

В результате кампании 689 г. тюрки оставили Иньшань и центром каганата сделали Отюкенскую чернь (совр. Хан-гай) – места, богатые «травой и водой» и, главное, отделенные от Китая труднопроходимой для пехоты пустыней Гоби. Тюркские же конники преодолевали пустыню сравнительно легко.

В 691 г. Ильтериш-каган скончался в зените могущества и славы. Престол унаследовал его младший брат, которого китайцы называли Мочжо (Бег-чор). Он принял тронное имя Капаган-каган. Сыновья Ильтериш-кагана Могилян (впоследствии Бильге-каган) и Кюль-тегин участвовали во всех военных мероприятиях дяди-кагана и стали прославленными полководцами.

Капаган-каган решил восстановить границы Первого Тюркского каганата от Большого Хингана на востоке до Железных ворот (проход Бузгала южнее Самарканда) на западе. Эта программа включала в себя и обязательное подчинение кыргызов на Енисее. Над государством Кыргыз нависла грозная опасность.

ТРАГЕДИЯ БАРС-БЕГА

В конце VII – начале VIII в. государство кыргызов, когда во главе его стал Барс-бег, заставило соседей серьезно считаться с собой.

Судьба этой неординарной личности в истории народа примечательна. Несмотря на то, что этноним «кыргыз» впервые был упомянут китайской хроникой под 201 г. до н. э., ни в одном иноязычном письменном источнике практически не упоминалось кыргызских имен до тех пор, пока тюркские народы сами не научились писать. Первое кыргызское имя, записанное в начале VIII в. кыргызами и родственными, но враждебными им тюрками, было именем кыргызского кагана Барс-бега.

В древнетюркских текстах освещаются одни и те же события конца VII – первой трети VIII в., связанные с отчаянной борьбой тюрков за воссоздание своего государства, разбитого и поработанного китайцами еще в 630 г. За господство в Центральной Азии тюркам пришлось схватиться с кыргызами, и в надписи в честь Кюль-тегина впервые было упомянуто имя кыргызского кагана: «...был Барс-бег. Это мы дали ему титул кагана. И мы дали ему в жены мою младшую сестру-княжну. Но он изменил нам. И вот каган был убит, а его народ стал рабами и рабынями». Далее из текста надписи в честь Кюль-тегина мы узнаем о месте гибели Барс-бега: «...мы разбили кыргызский народ, когда он спал. С их каганом мы сразились в черни (лесистая местность. – *Ред.*) Сунга... Кыргызского кагана мы убили, а его эль взяли»⁶. Истинность сообщения источника не вызывает сомнения, потому что эти же сведения иными словами, несколько не меняющими суть дела, изложены в других древнетюркских текстах – надписях Бильге-кагана и Тоньюкука.

Словом, древнетюркская высшая аристократия, если судить по орхонским текстам, в лице кыргызского кагана создавала образ врага, злого и неблагодарного зятя, изменившего старшим родственникам. За это самого кагана Барс-бега убили, а его

---

⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М., 1951. – С. 38–41; Кляшторный С. Г. Стрелы Золотого озера. – Л., 1976. – С. 265–266.

подданные – кыргызы – стали рабами. Так писали о Барс-беге его враги на трех высоких и издалека видных стелах, которые стояли в разных оживленных местах поблизости от каганских ставок. Многие кочевники читали эти официальные прокламации аристократии, верили им, оправдывали «мудрую» политику своих каганов, ругали чужих – «глупых и неблагодарных». Так создавалось средневековое степное общественное мнение.

Совсем другим представлен Барс-бег в тексте, написанном в его честь самими кыргызами: «(1) Десять лун носила меня моя мать. Она принесла меня моему элю (народу). Я утвердился на земле благодаря моей доблести. (2) Я храбро сражался с многочисленным врагом и покинул мой эль, оставив его в раскаянии. Увы! (3) Своим младшим и старшим братьям Вы снимали-сгружали верблюжьих вьюки с дарами. (4) Тем, что было на земле, – моими деяниями и моей доблестью – Барс не пресытился! (5) Без отца Вы героем были! Когда псы преследовали дичь, Вы пронесились мимо кочевий! Сгинь, дух смерти со своей младшей братией! О, Барс, не покидай нас! Увы! (6) Наше звание таково – мы умай-беги, мы храбрые воины нашего рода-племени! Увы! Шестерых мужей с собой ты не взял! Скакуна с собой ты не взял! Трех сосудов с собой ты не взял! О, моя драгоценность! О, мое сокровище! Не покидай нас!.. Мы прежде радовались. (7) О, дичь золотой черни Сунга, множься! Рождай свое потомство! Мой Барс покинул коней и быков, весь этот мир, он ушел! Увы! (9) Ради моей воинской доблести, ради могущества моих старших братьев и моих младших братьев мне воздвигли этот вечный памятник»⁷.

Перед нами самый древний (VIII в.) зафиксированный орхоно-енисейскими письменами плач по умершему – кыргызский кошок. Характерно, что в 1, 2, 4 и 9-й строках речь ведется от первого лица, то есть самого умершего, в остальных – выражена скорбь ближайших родственников. Удивительна живучесть традиций: до недавнего времени, да и в наши дни, опытные кыргызские плакальщицы, особенно лично знакомые с умершим, влетали в кошок известные родственникам фразы от первого лица, которые при жизни говорил (или якобы говорил) покойный.

---

⁷ *Кляшторный С.Г.* Стрелы Золотого озера. – С. 261.

Научное значение намогильных надписей для истории кыргызов трудно переоценить. Это скудные, но пока единственные известные науке сведения биографического характера о выдающейся личности, выходе из среды енисейских кыргызов, имя которого в конце VII – начале VIII в. было хорошо известно в Центральной Азии, Китае, Тибете, в Семиречье и на Тянь-Шане. И если для врагов Барс-бег был «неблагодарным изменником», то для кыргызов – «доблестным героем», «драгоценностью», «сокровищем».

Что же он совершил, каково его место в средневековой истории кыргызов? Для ответа на эти непростые вопросы сопоставим уже известные нам сведения из орхонских и енисейских рунических текстов со сведениями из китайских династических хроник.

Как теперь известно, Барс-бег происходил из древней правящей кыргызской династии, рано остался без отца, имел четырех братьев, был страстным почитателем псовой охоты. Род Барс-бега, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне; его родственники носили редкий титул – Умай-бег. Не исключено, что кыргызский ажо (или его род), помимо светских, обладал и жреческими функциями по отношению к этой богине. В условиях сложной внешнеполитической обстановки он, скорее всего, обойдя старших братьев, выдвинулся на первое место в государстве кыргызов благодаря своим исключительным личным качествам.

Барс-бег стал во главе кыргызов, когда политическая ситуация в Центральной Азии резко изменилась. Против гнета империи Тан восстали орхонские тюрки, которые нанесли ряд поражений китайским войскам и их союзникам в степи. Они, возглавляемые членом старой династии Ашина – Кутлугом, образовали Второй Тюркский каганат. Кыргызы, как и другие степняки, не желали менять фиктивное китайское владычество на вполне реальное тюркское, поэтому совместно с тогузами Базкагана, курыканами, отуз-татарами, кытаями, татабами выступили союзниками империи Тан. В 689 г. тюрки разгромили коалицию Базкагана и стали полными хозяевами в степи. Кыргызы сохранили свои войска, потому что не участвовали в этом сражении. Барс-бег возглавил оставшиеся антитюркские

силы на северных границах каганата. Вскоре после 689 г. он, поняв, что кыргызы достаточно сильны, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге. Верховный владетель кыргызов, таким образом, бросил решительный вызов Тюркскому каганату, открыто притязая на господство в Центральной Азии.

Каган тюрк Капаган (691-716 гг.) решил покончить с кыргызской опасностью. Но первый поход его войск на Енисей во главе с принцем (впоследствии каганом) Бильге закончился неудачно: они были остановлены на границах кыргызов. Согласно условиям мира, Капаган признал Барс-бега каганом и отдал ему в жены племянницу, сестру Бильге. Кыргызы, в свою очередь, видимо, обязались быть лояльными по отношению к Тюркскому каганату. Выгодный мир легализовал и упрочил положение кагана Барс-бега Ынанчу Алп Бильге, но не удовлетворил его далеких притязаний.

В начале VIII в. Барс-бег смело проводил активную анти-тюркскую внешнюю политику. В 707-709 гг. он направил два посольства в воевавший тогда с тюрками Китай. Дипломатическая инициатива Барс-бега по организации антитюркского союза распространилась и на Тюркешский каганат, куда направляется посольство во главе с Эзгене. Этот молодой кыргызский дипломат, посланный к кагану из рода каратюркешей (Кара-кагану), достиг очень многого. Тюркеши, несмотря на войну с арабами в Мавераннахре, пошли на союз с кыргызами против тюрков.

Выполнив свою миссию и заслужив тем самым какой-то тюркешский титул (чин), посол Эзгене умер на Тянь-Шане («внутри тюркешского государства») и был похоронен на родине (р. Туба). Там в честь него родственники возвели стелу с трехстрочным текстом, где скупо отразили его деяния:

« 1) Я – Эзгене – внутренний чин Кара-хана.

2) Я был на двадцать шестом году своей жизни.

3) Я умер внутри тюркешского государства, я начальник...»⁸

---

⁸ Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959. – С. 161.

К 709 г. кагану кыргызов удалось создать мощную анти-тюркскую коалицию, в которую кроме кыргызов вошли империя Тан и Тюргешский каганат. Один из крупнейших политических и военных деятелей Тюркского каганата Тоньюкук так оценил политическую ситуацию, сложившуюся в Центральной Азии: «Каган народа табчач (китайцев. – Ред.) был нашим врагом. Каган народа десяти стрел (тюргешей. – Ред.) был нашим врагом. Но больше всего был нашим врагом кыргызский сильный каган»⁹. Тюрки решили не выжидать, а разбить союзников поодиночке.

Из приведенного выше текста видно, что наибольшую опасность для степного гегемона представляли не далекие китайцы и тюргешы, а войска Барс-бега. С них он и начал. В 709 г. отряды тюрков форсировали верховье Енисея и разбили союзные Барс-бегу племена чиков и азов. Они заняли Туву, сделав ее плацдармом для наступления на кыргызов, но главную дорогу из Тувы по ущелью Енисея кыргызы перегородили высоким валом, следы которого сохранились по сей день. Зимой вал из бревен и снега укладывался и по льду Енисея. Весной, когда начинался ледоход, стена кыргызов уплывала в океан, но летом бурный Енисей был непроходим. С наступлением ледостава кыргызы вновь сооружали стену. Преодолеть это препятствие не могла никакая армия.

Барс-бег занял важные перевалы через Саяны и, как он полагал, в полной безопасности ждал помощи от своих союзников. Но ни тюргешы, связанные войной с арабами в Средней Азии, ни китайцы, несмотря на договор, не поддержали кыргызов. Они ограничились защитой своих рубежей, бросив Барс-бега на произвол судьбы. Отчаявшийся каган, оставшись один на один с мощным Тюркским каганатом, сменил политическую ориентацию. Не позже осени 710 г. он направил посольство в Тибет, который в то время враждовал с империей Тан и государством тюргешей. Посольство возглавил выходец из сильного кыргызского племени булсар Эрен Улуг – опытный дипломат, который уже участвовал в четырех успеш-

---

⁹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – С. 66.

ных посольствах кыргызов за рубеж, за что был особо отмечен Барс-бегом. Это была вынужденная дипломатическая акция. Поворот во внешней политике на 180° был вызван позицией союзников. Барс-бег должен был заботиться о своем государстве, в то время как его союзники заняли выжидательную позицию.

О миссии Эрен Улуга кыргызский каган, естественно, не уведомил Китай, но сведения о нем умышленно широко распространялись в кочевом мире, вероятно, не столько для утешения бесстрашных тюрок, сколько для активизации военных действий Китая и тюргешей. Но было уже поздно. Эрен Улуг по неизвестной причине умер (или был убит?) на чужбине. Тибет не стал союзником Барс-бега. Китай и тюргеши так и не выступили в поход, зато тюркские полководцы решились на отчаянный шаг: преодолеть Саянский хребет зимой обходным путем, минуя дороги, охраняемые кыргызами. В этом походе участвовали будущий каган тюрок Бильге и его храбрый брат Кюль-тегин, но фактически возглавил его старый и опытный Тоньюкук. Он отыскал изменника из народа азов, который, как оказалось, на свою беду согласился провести войска тюрок в Минусинскую котловину, минуя кыргызские укрепления, тайными тропами в почти неприступных горах.

Тоньюкук так описал трудности похода: «Я приказал двинуться войску, я сказал: «Садись на коней!» Переправляясь через Ак-Тэрмель, я приказал остановиться (тыловым) лагерем. Приказав сесть «на лошадей, я пробил дорогу сквозь снег, я взшел (с другими) вверх (горы), ведя лошадей на поводу, пешком, удерживаясь деревянными шестами. Передние люди протоптали снег, и мы перевалили через покрытую лесом вершину. С большим трудом мы спустились, и в десять ночей мы прошли до склона (горы), обойдя (горный снежный) завал. Местный путеводитель, сбившись с пути, был заколот»¹⁰.

Что ж, зимний переход через Саяны сделает честь любому войску. Замысел тюрок удался, и их войска внезапно обрушились на кыргызов. Первое сражение произошло ночью:

---

¹⁰ Там же. – С. 67.

«На кыргызов мы напали во время их сна... проложили путь копьями», – отмечено в древнетюркском руническом памятнике. Основные силы кыргызов были разбиты. Уцелевших Барс-бег собрал в черни Сунга и пытался организовать отпор. Сеча была злой и упорной. Здесь показал свою доблесть Кюль-тегин: «Кюль-тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол пикой, одного после другого. При этой атаке он погубил белого жеребца из Байырку, сломал ему бедро. Кыргызского кагана мы убили и эль его взяли».

Да, кыргызы потерпели полное поражение. Барс-бег пал в открытом бою. Тело его даже не удалось похоронить с подобающими почестями по старинному обряду. Это отмечено в эпитафии из Алтын-келя: «Скакуна ты с собой не взял! Трех сосудов с собой ты не взял!». Соплеменники воздвигли в честь кагана каменную плиту выше человеческого роста, где кыргызскими рунами выразили печаль по поводу его гибели. В последний раз кыргызский каган Барс-бег Ынанчу Алп Бильге был лишь вскользь упомянут в 716 г., когда на могильном сооружении в честь умершего тюркского Капаган-кагана (победителя Барс-бега) в самом начале вереницы камней, изображающих его павших врагов, был поставлен «балбал», символизирующий главного врага, – кыргызского кагана.

Поражение кыргызов в битве при черни Сунга, видимо, имело для народа и его государства очень серьезные последствия, потому что более сорока лет после него кыргызы не участвовали в военных действиях. Несмотря на то, что во главе государства был поставлен владетель из кыргызов, оно фактически стало зависимым от Тюркского каганата вплоть до его падения в 745 г. Таким образом, первая попытка кыргызов в борьбе за господство в Центральной Азии закончилась поражением. В VIII в. они еще не имели достаточно сил для борьбы за гегемонию в Центральной Азии, хотя и ставили такую задачу. По уровню военной организации они отставали от государств Центральной Азии. Отсюда вытекали оборонительная стратегия и ставка на сильных союзников, которые не оправдали себя. Но в середине VIII в. политическая

ситуация в Центральной Азии изменилась коренным образом: пал Второй Тюркский каганат.

В 731 г. умер воитель Кюль-тегин. Бильге-каган, горя, ненадолго пережил брата-героя. В 734 г. он был отравлен. Дети-наследники не были равны по доблести своим отцам, но превзошли их в амбициях. Начались быстрые смены каганов. Подняла голову знать. Малолетнего Тенгри-кагана (740-741 гг.) убил его дядя Кутлуг и узурпировал престол.

В 742 г. восстали уйгуры, карлуки и басмылы. Они в сражении убили узурпатора и стали реальными хозяевами Великой степи. Агония Второго Тюркского каганата была недолгой: в 745 г. он прекратил свое существование.

Басмылы, карлуки и уйгуры вступили в схватку за обширное наследство. Победили уйгуры. Их вождь провозгласил себя каганом с тронным именем Элетмиш Бильге-каган (747-759 гг.). На землях Второго Тюркского каганата образовался Уйгурский каганат, центром которого стала Монголия.

Кыргызы не хотели добровольно подставлять шеи под ярмо победителей.

ПОДЧИНЕНИЕ УЙГУРАМ

В 751 г. кыргызы объединили свои силы с карлуками, которые к тому времени уже заняли Семиречье, а также с чиками и остатками тюркских племен для борьбы с уйгурским каганом Элетмишем Бильге.

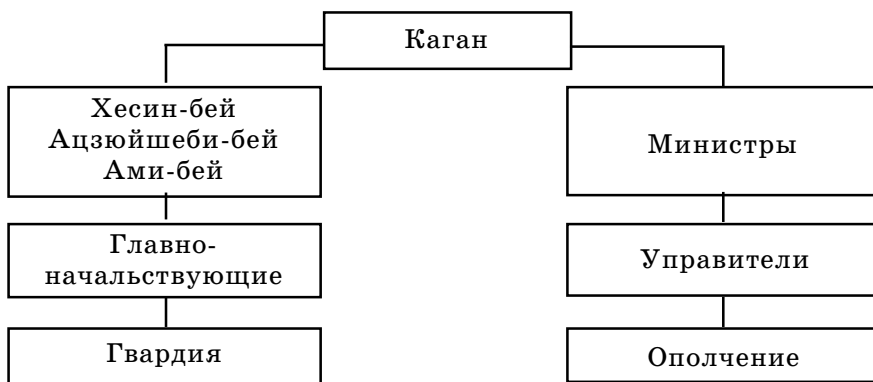
Среди тюркских беков нашлись предатели, которые предупредили кагана. Тот действовал решительно и разбил союзников поодиночке. В 758 г. уйгуры завоевали страну кыргызов на Среднем Енисее. Последние в 795 т. восстали, но были разгромлены. В течение двадцати лет кыргызские ажо копили силы для реванша.

В начале IX в. сила и слава Уйгурского каганата были уже в прошлом. Его раздирали центробежные силы, что чутко уловили кыргызы: «Ажо сам объявил себя ханом, мать, урожденную Туциши (тюркешку. – *Ред.*), – вдовствующею

ханшею, жену, дочь Геллу-шеху (карлукского джабгу. – Ред.) – ханшею»¹¹. Это важное событие в истории кыргызов произошло в 820 г. Оно означало, что кыргызы, заручившиеся поддержкой карлуков, провозгласили себя независимыми от Уйгурского каганата и, как во времена Барс-бега, стали претендовать на гегемонию в Центральной Азии. За этими претензиями теперь стояли реальные возможности.

После поражения в 795 г. кыргызы сумели создать военно-административную систему, приспособленную для длительных войн. Ажо значительно расширил пределы государства за счет других южносибирских племен и обладал уже куда большими материальными и людскими ресурсами, чем в начале VIII в. Он стоял во главе администрации и военных сил и подчинял непосредственно себе три бэя и иерархию чиновников, которая разделялась на шесть разрядов. Регулярное войско состояло из латной кавалерии (гвардия), а во время войны набиралось ополчение «вассальных» народов. В IX в. кыргызы вместе с зависимыми племенами могли выставить стотысячную хорошо вооруженную армию¹².

Структура государства Кыргыз в IX-X вв. значительно усложнилась:

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 355.

¹² Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980. – С. 139–140.

ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Уйгуры в ответ на вызов ажо направили на Енисей войско. Война затянулась на двадцать лет. Ход военных действий был описан на каменном памятнике в честь уйгурского кагана, который был установлен в уйгурской столице Орду-Балыке на реке Орхон. Там бывали дипломаты и купцы из многих стран. Поэтому надпись была высечена тюркскими рунами, китайскими иероглифами и согдийскими письменами. Китайский текст гласит, что «чудодейственный» каган уйгуров наголову разгромил четырехсоттысячное (!?) войско кыргызов, убил их кагана, взял огромное количество трофеев («...коровы, лошади, хлеб и оружие были навалены горами») и ликвидировал кыргызскую государственность заодно с кыргызами («...государственные дела прекратились; на земле не стало живых людей»)¹³. Китайскому тексту вторит согдийский. Согласно ему, уйгурский каган почему-то только двухсоттысячную армию кыргызов «...разогнал одной рукой во всех направлениях друг от друга и взял его (кыргызского кагана) государство». Эти тексты нельзя рассматривать как достоверный исторический источник. Они являлись политической прокламацией, рассчитанной на дезинформацию иностранцев для поднятия внешнеполитического престижа каганата уйгуров. На самом деле борьба была тяжелой и упорной. В сражениях кыргызы, видимо, одержали верх, что позволило ажо в обращении к кагану уйгуров надменно заявить: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму золотую орду твою, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя. Если можешь состязаться со мною, то немедленно приходи, если не можешь, то скорее уходи»¹⁴.

Это самое древнее известное историкам дипломатическое послание енисейских кыргызов. Оно выдержано в духе традиционной дипломатии кочевников: лаконично, но весомо,

---

¹³ *Васильев В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне // Сб. ТОЭ. – СПб., 1897. – Т. 3. – С. 25.

¹⁴ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... – Т. 1. – С. 355–356.

удобно для запоминания при передаче в устной форме, понятно и однозначно, не допускающее кривотолков. Это послание, по сути дела, является ультиматумом с требованием безоговорочной капитуляции. Вот каким стало государство Кыргыз к середине IX в.! Вот как заговорил бывший вассал и данник со своим бывшим сюзереном – каганом уйгуров! Вот когда получила возможность стать реальностью идея кагана Барсбега о гегемонии в Центральной Азии.

ВЕЛИКОДЕРЖАВИЕ

Военные неудачи обострили усобицу внутри Уйгурского каганата, а многоснежная зима 840 г. стала причиной массового падежа скота, голода и эпидемии. В это тяжелое время один из мятежных уйгурских вельмож призвал на помощь кыргызов. Ажо бросил под стены столицы уйгурского кагана Орду-Балыка стотысячную армию, которая наголову разгромила уйгурское войско, взяла, разграбила и сожгла ставку. Каган уйгуров пал в бою. Остатки его народа, спасаясь от истребления, бежали в Китай, Забайкалье и Восточный Туркестан, оставив в руках кыргызов земли, скот и накопленные сокровища.

В 843 г., преследуя уйгуров, кыргызы вторглись в Восточный Туркестан, где взяли города Аньси и Беш-балык. Их сильные отряды вели успешные действия в Восточной Монголии, в Джунгарии и Забайкалье. В 848 г. последний претендент на уйгурский престол, скрывавшийся у тюрков, а затем у татар (шивэй), с женой, сыном и эскортом всего из девяти всадников уехал в степь и пропал без вести. Надежды уйгуров на реванш рухнули окончательно.

На развалинах Уйгурского каганата в середине IX в. возникла держава кыргызов. Границы ее вырисовываются вполне определенно: «Хягас (кыргыз. – Ред.) было сильное государство; по пространству равнялось тукуеским владениям (имеются в виду пределы Второго Тюркского каганата. – Ред.). На восток простиралось до Гулигани (Прибайкалье), на

юг – до Тибета (Восточный Туркестан. – *Ред.*), на юго-запад – до Гэлолу (Семиречье)¹⁵. Примерные северные границы намечены по археологическим памятникам: они достигали современных городов Томска и Красноярска. Время, когда кыргызы сумели подчинить себе просторы Центральной Азии (IX-X вв.), справедливо названо «кыргызским великодержавием». Согласно древней степной традиции, тот, кто владел Хангаем, считался номинальным владыкой всех остальных кочевых народов. Такие империи в свое время создавали гунны, жуань-жуани (авары?), тюрки, кыпчаки (сеяньто), уйгуры, а после кыргызов – монголы. За гегемонию в Центральной Азии кыргызам пришлось заплатить своей прежде высокой репутацией. Автор «Худуд ал-алам» дает им крайне отрицательную характеристику: «И это люди, которые нравом напоминают диких зверей; лица у них грубые, волос мало, (они) несправедливы и безжалостны, отличаются воинственностью и склонностью к распрям: со всеми народами, которые находятся вокруг них, они воюют и враждуют»¹⁶.

Видимо, это не вполне заслуженная характеристика. Имперский двор династии Тан, например, настойчиво толкал кыргызского кагана на геноцид по отношению к поверженным уйгурам. В одном из писем к кагану кыргызов император рекомендовал: «Вы, хан, должны воспользоваться этим удобным случаем и скорее уничтожить варваров. До тех пор пока уйгуры не будут уничтожены, Вы, хан, не сможете наслаждаться едой и питьем, а на охоте получать удовольствие. Собираясь в поход, нельзя медлить... Опасаюсь, что остальных, которые покорятся, Вы, хан, не сможете полностью истребить, примете преступников, возьмете беглых чиновников, и это вызовет наше недовольство и породит пограничные инциденты. Это значит кормить ядовитую змею и самому породить зло»¹⁷.

---

¹⁵ Там же. – С. 354.

¹⁶ Худуд ал-алам // МИКК. – Вып. 1. – М., 1973. – С. 41.

¹⁷ *Супруненко Г.П.* Документы об отношениях Китая с енисейскими кыргызами // АН Кирг. ССР. Серия обществ наук. – Т. V. – Вып. 1. – Фрунзе, 1963. – С. 76.

В другом письме – та же антиуйгурская позиция: «Вы должны... напасть на уйгуров и уничтожить, вырвать их с корнем»¹⁸, – писал император Уцзе кыргызскому кагану.

К чести кагана кыргызов, он отверг советы и рекомендации императора. Резни и массовых убийств побежденных не было. Более того, уйгуры, бежавшие на запад, сумели закрепиться в Восточном Туркестане и основать два княжества, которые в начале XIII в. подчинились Чингисхану.

«Кыргызское великодержавие» не было продолжительным. Уже в первой четверти X в. основная масса кыргызов неожиданно оставила степи и ушла к северу за Саянский хребет. Среди ученых эти непонятные действия кыргызов не находят однозначного толкования. Одни полагают, что возвращение кыргызов на родину не было результатом военного давления противника. В длительных кровопролитных войнах и так немногочисленные людские ресурсы кыргызского народа были истощены и рассеяны по обширным пространствам. Кроме того, степи Центральной Азии не стали нормальной «экологической нишей» кыргызов. Та часть народа, которая на Енисее занималась ремеслом и земледелием, не нашла себе применения на сухих плоскогорьях Центральной Азии, где не было крупных поселений и ирригационной сети.

Другие отмечают возвышение киданей и их походы в степь в 916 и 924 гг. и полагают, что они вытеснили кыргызов за Саяны. Как бы там не было, «кыргызское великодержавие» кончилось. В истории кыргызского народа этот период занимает особое место. «Это был звездный час кыргызской истории, время поразительных успехов кыргызского оружия в длительной войне с уйгурами, эпоха, когда кыргызы смогли покорить обширные просторы степной Азии. Благодаря этому периоду своей истории кыргызы оставили о себе память у современников, представителей различных народов средневековья, а их исторические деяния привлекают постоянное внимание позднейших историков», – так характеризует эпоху великодержавия кыргызов выдающийся кыргызовед Ю.С. Худяков¹⁹.

---

¹⁸ Там же. – С. 72.

¹⁹ Худяков Ю. С. Кыргызы на просторах Азии. – Бишкек, 1995. – С. 59.

Добавим, что эта эпоха имела оборотную сторону в истории тюркских народов. Конец эпохи «кыргызского великодержавия» стал концом эпохи господства тюркских народов в Евразии. Наступил «звездный час» народов монгольского корня (кидани, найманы, монголы), которые выдвинули из своей среды великих завоевателей Чингисхана, Батгя, Темура и долгое время господствовали на просторах Великой степи.

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

Сведения о кыргызах XI-XII вв. немногочисленны. В это время усилились монгольские племена, которые отрезали кыргызским феодалам пути для набегов на юг. Лишенная возможности обогащаться за счет грабежа знать усилила эксплуатацию собственного народа. Это повлекло дальнейшее развитие феодальных отношений, междоусобные войны, децентрализацию военной и гражданской власти. В письменных источниках упомянуты то пять, то три отдельных владения кыргызов. Накануне монгольского завоевания кыргызы образовали два княжества: Кем-Кемджиут и Кыргыз.

Владетели обоих кыргызских княжеств имели титул инал. В 1207 г. старший сын Чингисхана Джучи завоевал все «лесные» народы и подступил к границам кыргызов. Тогда к нему прибыли кыргызские князья Иди, Инал, Алдиер и Оле-бектегин. Они выразили покорность, одарив Джучи белыми кречетами, белыми лошадьми и белыми соболями. Зависимость кыргызов была номинальной и выражалась только в выплате дани. Монголам, занятым войной с чжурчженями и Китаем, было не до северных народов. Однако с усилением государства Чингисхана монгольские сборщики налогов стали терять чувство меры. В 1218 г. они потребовали от подвластных кыргызам туматов, обитавших в Баргуджин-Токуме, кроме положенных мехов и окота, туматских девушек, которые считались идеалом степной красоты, для ублажения монгольских феодалов. В напряженных экономических и политических отношениях подобные унижительные требования способны стать пос-

ледней каплей. Оскорбленные туматы восстали. Монголы потребовали у кыргызов войско для подавления непокорных. Вместо этого кыргызы под предводительством Курлуна сами восстали против монголов. Их поддержали урасуты, теленгуты и другие кыштымы (зависимые племена) кыргызов. Восстание было жестоко подавлено войсками Чингисхана, которыми командовал Джучи. После смерти Джучи в 1226 г. земли кыргызов вышли из его улуса и стали принадлежать улусу Тулуя. Повидимому, изменилась и политика подавления по отношению к кыргызам. Великий каган Угэдей (1229-1241 гг.) с целью политического урегулирования отношений с северными народами женился на кыргызке по имени Джачин. Она стала четвертой «главной» женой повелителя многих народов²⁰.

ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА

Но борьба кыргызов за независимость еще не завершилась. Кыргызы были беспокойные подданные и среди них постоянно происходили брожения, недовольства и мятежи. Поэтому в 1270 г. император Хубилай назначил правителем кыргызов и их кыштымов опытного и не склонного к насилию администратора китайца Лю Хаоли. Резиденция его была в Минусинской котловине на левом берегу р.Элегест. Однако в 1273 г. кыргызы восстали и изгнали монгольского наместника.

Момент для восстания был выбран удачно. В это время разгорелась ожесточенная междоусобная борьба между Хубилаем и верховным владыкой Средней Азии Хайду, ставка которого была в Чуйской долине. Это помогло кыргызам восстановить свою независимую государственность, но не надолго. Зимой 1292 г. командующий тюркскими контингентами войск монголов кыпчак Тутуха получил приказ императора Хубилая покончить с кыргызским сепаратизмом. Ранней весной 1293 г. еще до ледохода на Енисее, армия Тутухи прошла по льду реки, разгромила войска кыргызов и оккупировала всю Минусин-

---

²⁰ Рашид ад-дин. Сборник летописей. – Т. 2. – М.; Л., 1960. – С. 8–9.

скую котловину. Хан Хайду из Семиречья направил на выручку кыргызам войска во главе с полководцем Волочем, но Тутухе удалось их разбить и пленить самого полководца.

И началась расправа с непокорными. Прежде всего монголы обезглавили народ. Они вырезали всю кыргызскую аристократию и вождей. Урон был страшен по своим последствиям. Даже в XIX в. кыргызы, имея таких правителей, как Алимбек, Курманджан, Жаил, Борумбай, Ормон, Шабдан, Байтик, такие умы, как Молдо Кылыч, Арстанбек, Молдо Нияз, Тоголок Молдо и многие другие, продолжали считать, что у них нет собственной аристократии (ак-суек). Так памятен был монгольский «холокост» конца XIII в.

Обезглавленный народ начали изгонять из собственной страны и расселять по самым отдаленным уголкам империи монголов. Коренные земли кыргызов на Енисее заселились другими народами.

УРОК ИСТОРИИ

Год 1293 стал годом окончательной гибели кыргызской государственности на Енисее, которая возродилась только почти через 700 лет в иных исторических условиях и на иной территории. Это тот исторический факт, из которого мы, граждане суверенной Кыргызской Республики, должны извлечь урок: необходимо всеми силами оберегать нашу вновь обретенную, но еще хрупкую государственность. Наши предки сберегли для нас лучшие земли Средней Азии: голубой Иссык-Куль, сказочно прекрасные долины Чу и Таласа, богатую предгорную Фергану, суровые Ала-Тоо и Алай с их величественными вершинами, украшением которых всегда был божественный Хан-Тегри. Наша задача: сохранить и укрепить нашу долгожданную (2200 лет!) государственность. Если потеряем ее из-за мелкой выгоды, из-за гипертрофированных амбиций, из-за региональных, а не государственных интересов, сколько сотен (или тысяч?) лет будем ждать ее нового возрождения? Дождемся ли?

Аман Газиев
БАРС-БЕГ ,
КАГАН КЫРГЫЗОВ

НОВЕЛЛА

В СТАВКЕ БАРС-БЕГА

Ставка ажо-кагана располагалась в удивительно красивой местности.

Просторная, чуть всхолмленная равнина там и сям прорезана речками и ручейками с хрустальной, ледяной даже в летнюю жару водой. Огромные нетронутые лужайки перемежались полями с ячменем и пшеницей, их окаймляли светлые и нарядные березовые рощи. На отрогах гор, подходивших к долине, густой шапкой поднимались хвойные леса.

Сама ставка находилась на берегу реки и была обнесена надолбами. Множество больших юрт концентрическими кругами располагались вокруг центра – шатра самого ажо. Над шатром на высоком шесте полоскалось Главное Знамя – огромное цвета крови полотнище, в котором обитал Дающий Победу – бог войны, покровитель кыргызского воинства.

Шел срединный летний месяц 710 года.

В этот ясный чудесный день в шатре правителя кыргызов Барс-бега заседал военно-государственный совет в полном составе. Здесь были два старших и два младших брата повелителя, носившие редкостные титулы «Умай-бег»: весь род Барс-бега находился под особым покровительством божественной супруги небесного владыки Тенгри, которую кыргызы звали Умай-эне.

Здесь были и три главных советника, три главнокомандующих. Первый, по имени Тексин-инал, возглавлял правое крыло кыргызского народа, второй, Куличор, – левое, и третий ичреги Эзгене был помощником правителя. Рядом с ичреги Эзгене сидел еще один личный советник кагана знаменитый дипломат Эрен Улуг из могущественного рода булсаров.

Здесь же находились шесть иналов (князей) – крупнейших феодалов, управляющих шестью областями – багами Страны кыргызов. Кроме них присутствовали знатные люди рангом пониже: десять управителей, пятнадцать делоправителей, а также главы сильнейших родов.

Помимо них в Ажо-шатре восседали на почетных местах два гостя. Один из них, в затейливой шапочке с кисточками и фарфоровыми колокольчиками, в дорогом шелковом халате с такими широкими рукавами, что в каждом из них можно было спрятать ягненка, представлял империю Тан. Его имя было Тао Гу.

Другой, в обычной одежде знатного кочевника, являлся доверенным лицом Сакал-кагана тюркешского. Звался он Баглилой и по слухам владел в стране Семи рек целым городом с округой.

На центральном месте, противоположном входу, сидел сам правитель, гордость кыргызского народа ажо Барс-бег Ынанчу Алп Бильге-каган. Это был семидесятитрехлетний, еще крепкий старик с румяным лицом и совершенно белыми бровями, усами и бородой.

Про Барс-бега давно уже ходили легенды. В молодости он прославился как лихой йигит, в воинском искусстве не знавший равных. Он возглавил страну как раз в тот момент, когда восточные – орхонские – тюрки разгромили объединившихся татар, курыкан, токуз-огузов и отуз-татар. Барс-бег не вязывался в войну и сумел сохранить свою армию.

Барс-бег хорошо знал мощь тюркского каганата, его неисчерпаемые людские ресурсы. Учитывал он и разницу в готовности к войне. Бойцы Капаган-кагана, прирожденные степные грабители, от поколения к поколению учились военному делу в бесконечных походах. Их стойкость, выносливость, ярость в бою были общеизвестны. Уже Кутлуг-чор, основатель второго Восточнотюркского каганата, принявший тронное имя Ильтериш-кагана (682-691 г.г.), нанес ряд поражений степным племенам и разгромил танские пограничные отряды. А его брат и наследник, ныне здравствующий Капаган-каган, шесть раз форсировал Хуанхэ и совершенно разграбил Северный Китай.

Что мог противопоставить такой грозной силе Барс-бег? Да, кыргызы тоже хорошие воины и вооружение у них замечательное. Но у них нет такого боевого опыта, нет постоянной привычки к войне. Тут сказались и многолетнее владычество тех же тюрков, и привычка к мирной жизни.

В богатой и плодородной Минусинской котловине, отличавшейся более мягким климатом, чем окружающие земли,

кыргызы сеяли просо, ячмень и пшеницу. В приречных поймах и на степных просторах жировал скот: косяки лошадей, отары овец, стада коров и даже верблюдов – кыргызы были умелыми скотоводами.

Очень любили они охоту. Охотникам здесь было раздолье: лоси, косули, «чернохвостые» козы, похожие на кабаргу, тарпаны. Много водилось пушных зверей: лисиц, соболей, куниц, белок. Пушнину также выменивали на хлеб и ремесленные изделия у северных «лесных» народов или брали ее в виде дани.

Гордились кыргызы и своими умельцами ремесленниками. Особенно прославились их горнорудные мастера. Все окрестные государства, народы и племена высоко ценили знаменитые кыргызские мечи, ножи, кинжалы, панцири. Тюркские каганы, покорившие земли по Енисею в середине VI в., в первую очередь требовали от кыргызов «дань железом». Да, страна давала все необходимое для мирной жизни и торговли, вот почему жители ее не имели большого боевого опыта, да и тяги к войне. Но могли разве в таком случае они, втрое-четверо меньшие по численности, противостоят Хозяину Степи – Восточнотюркскому каганату?

Нет. Надо было искать союзников.

И Барс-бег их нашел. Он заключил договор с Танским императором, номинально признав себя его вассалом. Направил посольства к тюргешам в Семиречье во главе с ич-реги Эзгене.

Мало того. Не надеясь на этих союзников, он втайне от них готовил посольство в Тибет.

ПРИНЦ НЕИСТОВЫЙ И НЕТЕРПЕЛИВЫЙ

Все эти активные внешние действия Барс-бега вызвали сильнейшее раздражение в ставке Капаган-кагана. Его племянник, знаменитый батыр Кюль-тегин, прозванный за свой характер Неистовым и Нетерпеливым, настоял на посольстве к Барс-бегу, которое возглавил он сам.

Тюрки прибыли в ставку. И теперь в Ажо-шатре ожидали появления самого Кюль-тегина. Барс-бег нарочно пригласил на прием китайского и тюргешского послов: пусть надменный принц увидит мощь нового антитюркского союза!

Снаружи слышались голоса, шаги, звон оружия. Вошел управитель гостей и объявил:

– Посланник от сына Неба, Сына Волчицы, Божественного Тюрка достойный воитель – Кюль-тегин из рода Ашина!

Полог откинулся, быстрыми шагами вошел высокий стройный воин с богатырскими плечами. Плоское молодое лицо его поражало безобразием – никаких признаков усов и бороды. Черные глаза имели желтоватый, как у рыси, оттенок, ими он обжегал присутствующих, словно настоящий хищник – стадо овец. Громким резким голосом он огласил краткое приветствие.

Барс-бег сказал:

– Мы рады Высокому гостю! Пусть он займет почетное место, положенное ему по доблести, званию и праву рождения!

Кюль-тегина бережно провели мимо присутствующих и усадили неподалеку от трона, однако дальше, чем сидели танский и тюргешский союзные послы. Хмурое лицо тюрка стало совсем мрачным.

Подали угощение. Завязался обычный в таких случаях вежливый разговор. Барс-бег, следуя этикету, задавал вопросы:

– Здоров ли мой родственник, Божественный Тюрк, сын Волчицы?

– Здоров! – отвечал посол. – И того желает своим друзьям и данникам. Врагам же и завистникам – неминуемой смерти.

Несмотря на такой дерзкий выпад, Барс-бег продолжал:

– Все ли благополучно в державе тюрков? Плодится ли скот? Увеличивается ли число подданных?

– Благополучно. Плодится. Увеличивается, – отвечал Кюль-тегин. – И земля наша увеличивается. Она и будет увеличиваться, пока не обретет границы, в которых была держава наших великих Бумын-кагана и Истеми-кагана.

Подал голос тюргешский посол Баглила:

– Лучшее, что есть – это мир между соседями. Пусть каждый владеет своим и не зарится на чужое.

Кюль-тегин резко повернулся к нему:

– Вы – тюргеши, от предков наших признавали власть потомков кагана Истеми из рода Ашина! Вы были всего лишь малым народом из народа Десяти Стрел и владели одной стрелой. Ваш правитель носил титул «эльтебер» и сидел далеко слева от трона Истеми вместе с другими эльтеберами. А теперь ваш Сакал прозывается «каганом», будто и он из рода Ашина! Будто от незаконного звания он станет сильнее! Нет! Есть только один настоящий каган в мире – это Повелитель Степей Божественный Тюрк Капаган-каган, мой дядя! Придет срок и вы содрогнетесь от копыт наших коней, падете как степная трава под ударами наших клинков!

– Это прямая угроза! – громко сказал возмущенный Баглила.

– Скоро от угроз мы перейдем к делу! – бросил Кюль-тегин. Мягко и проникновенно заговорил танский Тао Гу:

– Такие хорошие люди... Зачем же говорить резким языком, испытывать гнев...

Кюль-тегин повернулся к нему:

– Вот и ты раскрыл рот, табгач! Как ты смеешь без нашего позволения присутствовать здесь, в шатре нашего вассала! Разве мало вам того, что мы шесть раз переходили Желтую реку, чтобы наказать вашего кагана за лживость и лицемерие? Вы хотите, чтобы мы сделали это в седьмой раз? Но клянусь, тогда мы не ограничимся только севером, дойдем до самой вашей столицы и поставим свои юрты в садах вашего правителя!

Барс-бег, слушая, как оскорбляют послов, в глубине души был даже доволен. Пусть они разъярятся, пусть передадут эти оскорбления своим повелителям! Тогда вражда к заносчивым тюркам станет непримиримой, а враждебный им союз – крепче.

Однако Кюль-тегин переходит за пределы пристойности. И Барс-бег вмешался.

– Достолавный! В моей юрте негоже одному гостю оскорблять другого. Такое запрещает обычай.

Кюль-тегин повернулся к нему и сказал с явной насмешкой, в то время как его глаза метали желтые молнии:

– О мудрый! О, белобородый! А зачем ты привечаешь таких гостей без соизволения на то Божественного Тюрка?

– Божественный Тюрк не вправе указывать мне в моих землях, – отвечал Барс-бег.

– Разве? А не кыргызы ли шесть поколений были данниками рода Ашина? Разве не ковали нам мечи? Не поставляли меха и рабов? Давно ли вы стали такими храбрыми?

– Давно, – отвечал Барс-бег. – С тех пор, как мы освободились от вашего владчества! Тому уже сорок зим.

– Мой дядя, великий каган, слишком милостив к вам, непокорным. Он снизошел до тебя и отдал тебе в жены мою сестру. А чем ты платишь за это? Неразумной строптивостью? Ты, словно паук, сидишь и ткешь паутину. Но мы не мухи, и я говорю: берегись!

Тут сразу громко загомонили все присутствующие:

– Позор!

– Он оскорбил кагана!

Кюль-тегин, словно волк, поворачивался корпусом вправо-влево и кричал, ощерившись:

– Вашему ажо мой дядя пожаловал этот титул! Из милости! Но он может и забрать его обратно! Слугу награждают за усердие, а за строптивость наказывают плетью!

Этого уже невозможно было стерпеть. Неистовый и нетерпеливый принц попрал все степные обычаи и больше не мог рассчитывать на посольскую неприкосновенность. Отовсюду раздавались гневные возгласы:

– Смерть обидчику! Смерть негодяю!

Десятки рук потянулись к дерзкому. Но всех опередил пылкий Кули-чор. В два прыжка он очутился рядом и вlepил оглушительную затрецину – прямо по плоской безбородой физиономии. Кюль-тегина дернули за ноги, повалили на пол. Но поднятый шум перекрыл грозный голос Барс-бега:

– Не сметь!!!

Возбужденная толпа раздалась. Перед троном оказался поднятый Кюль-тегин: из носа его текла кровь, один глаз успел вздуться. Четверо делоправителей держали его за руки.

Барс-бег сказал:

– Нельзя его убивать. Вы знаете степной обычай. По этому обычаю мы и будем его судить. А пока свяжите его и отведите в Деревянную юрту.

Кюль-тегина поволокли к выходу. А снаружи доносился не меньший шум – там обезоруживали и вязали посольскую дружину...

Вновь собрался совет. Барс-бег сказал:

– Война с быстротой пожара приближается к нашим пределам. Она была предрешена Капаган-каганом уже тем, что он отправил к нам послом Неистового и Нетерпеливого. Всем известно, Кюль-тегин владеет оружием, но не владеет Разумом и Словом.

– Войны все равно было не избежать, – сказал Эрен Улуг. Два медведя не уживаются в одной берлоге.

– И поэтому поторопись с отъездом, – сказал каган. – Время не терпит. У нас могущественные враги. И нужны такие же союзники.

– Все готово, повелитель. Я думаю, через месяц мы тронемся в путь.

ЧТО МОГУТ БАКШИ

Уткул выполнил все, что обещал. Он задал спасителю пир, длившийся три раза по три дня. Он затаскал его по родственникам. Ярук получил кучу подарков. Из своих достатков Уткул предлагал:

– Возьми половину овец! Коня! Верблюдицу с верблюжонком!

– Куда мне их девать? У тебя есть пастух, а мне придется пасти самому. К тому же у меня нет даже юрты.

– Возьми любую юрту! У меня их три.

– У тебя в каждой юрте по жене. Отдашь юрту мне, куда лишнюю жену денешь?

– Возьми жену! Смотри, азка какая молодая, красивая! Всегда кипит, как вода в казане. Бери, не пожалеешь!

И Ярук уступил:

– Ну, хорошо, давай сделаем так: пусть эта азка, и юрта, и скот побудут у тебя. А когда я решусь на такое, ты мне их уступишь.

– Вот это разговор! – сразу повеселел Уткул. – Но все-таки возьми брата азки! Тебе ведь нужен слуга: за конем присмотреть, оружие почистить. Не смотри, что он маленького роста и молод. Очень ловкий и выносливый паренек. Все делает быстро, не ленится.

– Хорошо, хорошо! – сдался Ярук. – Пусть будет маленький аз. По крайней мере он – мужчина, значит, сам о себе позаботится.

...Когда случился скандал с Кюль-тегином, каган приставил к сруб-тюрьме стражу во главе с воином Уткулом.

Часовые слышали, как всю ночь пленник метался по Деревянной юрте, словно тигр в клетке. А наутро, когда слуга принес еду, он накинулся на вошедшего и чуть не убил.

После этого есть ему не приносили, только на третий день просунули воду через оконце в ковше на длинной ручке. Невидимый пленник вцепился в ковш и втянул его внутрь: слышно было жадное бульканье.

На пятый день в оконце замаячило плоское безбородое лицо.

– Эй! – кричал Кюль-тегин.

Стража приблизилась.

– Принесите чего-нибудь из пищи.

Поскольку слуги категорически отказались входить к бешеному пленнику, напросился Ярук, новый приятель начальника стражи.

– Будь осмотрительным! – напутствовал его Уткул. – Поставь еду на пол и сразу – за дверь.

Ярук усмехнулся:

Все будет в порядке. Забыл тебе сказать, что я – бакши¹. А бакши, как тебе известно, никто не может причинить вреда. Кроме того, я возьму с собой маленького аза, подаренного тобой. Азы – все сплошь бакши. Два бакши против одного йигита – сила.

Уткул от удивления взялся за подбородок: как это его бывший раб, низкорослый паренек-аз, может быть бакши?.. А он-то и не догадывался!..

---

¹ Бакши – шаман.

С тех пор Ярук и маленький аз два раза в день исправно выполняли свои добровольные обязанности. Так продолжалось половину луны.

Тем временем по приказу кагана разослали гонцов во все кочевья. Представители родов должны были явиться в ставку на курултай для суда над Кюль-тегином. Кроме того, Мудрый Барс-бег решил таким образом оповестить весь народ о предстоящей тяжелой войне. Пусть люди узнают правду и пусть готовятся! Беспечность в таких делах губительна.

По приказу кагана строились деревянные дома – амбары, куда свозились припасы со всей страны. В предгорных селениях принялись за усиленную выплавку железа. В поселках кузнецов не умолкал стук молотов о наковальни: готовили много оружия.

Начали съезжаться родовые предводители. А Кюль-тегин все сидел в Деревянной юрте... Когда луна в третий раз пошла на ущерб, Ярук попросился у своего друга Уткула отлучиться на день-другой. А еду пленнику может носить и маленький аз. Уткул, конечно, отпустил.

И Ярук, оседлав свою лошадку, поехал в сторону гор. К полудню он достиг стоянки Человека с Двумя Головами. Как и прежде, женщины и дети с криками бросились было в заднюю юрту. Но, присмотревшись, остановились. С лаем бежавший навстречу волкодав неожиданно радостно взвизгнул, завил хвостом. Лицо вышедшего навстречу хозяина, всегда такое хмурое, на этот раз озарилось улыбкой.

Ярук спешил, отдал поводья подбежавшим детям, низко склонился и прижался щекой к голове, висевшей на груди старика. Потом сказал:

– Отец, надо поговорить по серьезному делу.

– Пойдем в юрту. Сейчас подадут еду.

... Они беседовали в юрте очень долго. Когда Ярук уезжал, старый хозяин сказал ему:

– Не беспокойся, сынок. Все сделаю, как надо. Кони из табунов жирного борова Тексина – будут. Я как раз знаю один косяк неподалеку...

Множество родоправителей съехалось в ставку. Вопросы нужно было решить очень важные. Но сначала гостеприимный хозяин-каган устроил для своих подданных богатый пир. Так велит обычай. За хорошим застольем люди начинают лучше понимать друг друга.

Уткулу очень хотелось принять участие в празднике хоть как-то, хоть с краешку... Ярук убеждал друга-приятеля:

– Иди с чистой совестью! Кюль-тегин сидит за крепким засовом. Дружина его тоже. Оставь мне несколько воинов и все будет в порядке..

Уткул ушел. Трем часовым Ярук принес хороший бурдюк с кумысом и много баранины. Часовые уселись под березой и стали угощаться. И когда пришли сумерки, все они громко храпели: в кумыс было подмешано сонное зелье.

...На рассвете августовской ночи Ярук вошел в Деревянную юрту. Кюль-тегин сверкнул на него белками глаз из темноты.

– Все готово. Доблестный! Стража спит, все остальные тоже.

– А моя дружина?

– Вашу дружину сейчас выпускает маленький аз. Кони за ручьем, в ста шагах отсюда.

Они тихо вышли. Ущербный серп луны догорал среди редких звезд. Под березой беспечно храпели стражники. Кюль-тегин нагнулся над ними... Послышался сдавленный вскрик, перешедший в хрипенье. Все стихло. Принц вернулся с мечом и кинжалом.

– Напрасно, Доблестный. Они не принесли бы вреда.

– Тремя врагами стало меньше, – отвечал принц. – Теперь быстро!.. За ручьем в березовой роще слышалось пофыркивание. Человек с Двумя Головами и четверо его подросток-сыновей охраняли оседланных коней – целых три десятка, на всю дружину. В тот же миг запыхавшейся толпой подоспели дружинники. Вел их маленький аз.

– В седло! – скомандовал Кюль-тегин. Маленький аз жалобно воззвал:

– Господин! Господин!

– Ну! – буркнул Кюль-тегин.

– Большой господин обещал освободить мою сестру.
– Глупый! – с досадой сказал принц. – Думай, что говоришь! Разве возможно это сделать сейчас? За нами скоро погонятся. Пройдет несколько лун – и мы вернемся. Тогда кыргызов не спасет даже Умай-эне.

– А как я узнаю об этом?

– Ты поедешь со мной. А потом вместе вернемся, чтобы отомстить. Не бойся, глупец, освободишь сестру! Бог войны – за нас!

Кюль-тегин обернулся к Яруку:

– Эх, жаль! В ожидании казни я спрятал драгоценный перстень, который достался мне, когда мы грабили страну табгачей. Перстень принадлежал, как говорят, самому табгачскому кагану. Очень сильный амулет. Но не возвращаться же назад.

– Я вернусь, – сказал Ярук. – Где он?

– Отдери половицу под окошком и вытащишь тряпицу, а в ней – амулет. Но ты не успеешь, лагерь скоро проснется.

– Успею. Обещаю привезти вам его.

Кавалькада всадников двинулась на юг, в сторону гор. Ярук поворотил назад.

... Уже совсем рассвело. Уткул, проснувшись после хмельного пира, почувствовал угрызения совести: «Как там с пленником?». И поспешил к Деревянной юрте.

Сердце екнуло, когда под березой он заметил трех своих часовых в неестественных позах. Он подбежал ближе...

Зарезаны! И дверь в срубе открыта настежь. Он помчался туда, одним прыжком вскочил на крыльцо.

Внутри, в неясном свете возилась какая-то фигура. Ярук!.. Пленного нигде не было видно.

Уткул все сразу понял.

– Ах, негодяй, – закричал он. – Ты обманул меня! А я считал тебя за брата!

– Да, обманул, – отвечал Ярук, выпрямляясь. – И не только тебя. – Самого Барс-бега! Теперь Кюль-тегина не догнать.

– Предатель! Проклятый! Что может быть гнуснее человека, предавшего свой народ!

– Мой народ? – закричал Ярук. – А что оно такое, мой народ? Жирный боров Тексин, уничтоживший всю мою семью? Или такие как ты, сытые, мордатые, на всю жизнь наказывающие отцов за ошибки их несмышленишей-сыновей?.. Не нужно мне такого народа! Мой народ там, где справедливость! А Кюль-тегина вам не догнать!

– Вор и сын вора! Какой позор, что именно ты вытащил меня из воды! Лучше бы мне утонуть! Твои руки грязные! Пусть тюрк ушел, но ты не уйдешь! Я убью тебя своими чистыми руками!

И Уткул прыгнул через скамью с мечом в руке. Ярук обнажил свой. Лязгнул металл, скрестились взгляды. Опытный воин встретил сильного врага. Недаром Ярук столько лет ковал оружие в горах – мечом кузнецы владели в совершенстве.

– Осторожнее! – говорил Ярук с усмешкой, легко отбивая яростные удары. – Мне так не хочется делать дырку в твоём животе, славный Уткул! Зачем оставлять вдовами сразу трех хороших женщин! Иди-ка ты лучше к ним и дай мне дорогу.

– Не уйдешь! – рычал Уткул.

Ловким ударом Ярук выбил у него меч. И тотчас начал оттеснять в угол – от двери, приставляя острое то к шее, то к животу противника.

– Дай мне уйти и ты останешься жив...

Уткул клокотал от ярости. Он пытался поймать меч врага голыми руками, но Ярук не давал. Тогда Уткул, уже ни с чем не считаясь, бросился прямо на меч. Но Ярук не воспользовался оружием; он применил китайский способ борьбы – сильно ударил противника в пах. Уткул свалился как подрубленный и стал корчиться на деревянном полу.

– Ничего, выживешь.

Ярук быстро взглянул в оконце с лопнувшим бычьим пузырем. К дому бежали люди. Он метнулся к двери и захлопнул ее. Сруб был окружен воинами ажо-кагана.

– Ну, вот и все... – пробормотал Ярук. – А перстень-амулет я так и не передам...

В дверь уже ломились. Под яростными ударами она пала и ворвавшиеся воины увидели скорчившегося на полу Утку-

ла, а в двух шагах от него – человека с мечом под сердцем – обе его руки крепко держались за рукоятку...

ВЛАДЫКИ СТЕПИ

Неспокойно было в ставке Божественного Тюрка на Орхоне. После бегства Кюль-тегина и его рассказов о том, что увидел, стало ясно: нужно немедленно действовать. Если, конечно, тюрки хотят сохранить свое лестное прозвище Хозяев Степи!

Самая близкая опасность не в тюргешах, которые ввязались в войну с арабами в Согде, и не в ослабленном Китае. На севере чересчур усилился Барс-бег – каган кыргызов. Эти трое заключили между собой военный союз против тюрков. Что делать? Как победить многочисленных врагов?

На военном совете опытный мудрый Тоньюкук, главный полководец и воспитатель кагана, почти развеял опасения своего господина. Он сказал: врагов необходимо бить порознь. И как можно быстрее. Не надо ждать, пока они объединятся и выступят все разом. Нужно действовать первыми.

Но кого же ударить в первую очередь?

Кто более всего опасен?

Тюргеши? Они пока не в состоянии наступать. У них полно дел с арабами.

Табгачи?² Но они далеко. После шести рейдов тюркской конницы Северный Китай обезлюдел и пока император двинет войска за Великую стену, пройдет много времени. К тому же его можно из врага превратить хотя бы во временного союзника. Как? Заключить династийный брак.

Итак, остается третий, самый опасный...

Пришла зима с ее снегопадами, буранами и морозами. На военном совете Тоньюкук сказал:

– Теперь самое время ударить по кыргызам.

---

² *Китайцы.*

Военный совет больше походил на праздничный пир – так уж заведено у истинных народов. Капаган-каган с гордостью оглядывал своих помощников, знаменитых славными делами.

Вот его племянник Кюль-тегин. Слава о его подвигах ширится во все стороны света. В битвах он всегда впереди, а убитых им лично врагов исчисляют десятками.

Вот мудрый Тоньюкук. Он служил еще старому Кутлугу, а теперь – его младшему брату Капаган-кагану. О, Тоньюкук, хитрый степной волк! И внешность у него самая воинственная: и облик, и взгляд, и даже усы – как две сабли, до поры до времени дремлющие по обеим сторонам рта. Это он, Тоньюкук, водил шесть раз войска за Хуанхэ. Он покорил саяно-алтайские племена чиков и азов. Даже Неистовый и Нетерпеливый Кюль-тегин смиряет свой бурный нрав, когда Тоньюкук говорит: «Нельзя!»

А вот ловкий дипломат Чыкин Чур, вечный противник Тоньюкука и Кюль-тегина. Он – хороший противовес им обоим. Сам же каган пользуется советами с той и другой стороны, взвешивает и выбирает истину.

Вот и сейчас, когда старый Тоньюкук предложил ударить по кыргызам, Чыкин Чур сразу возразил:

– По льду Улук Кема³ кыргызы соорудили сплошной завал из обледеленых бревен от одной скалы левого берега до другой скалы правого берега. Идти через зимние перевалы – и думать не следует. Что же советует Тоньюкук?

– Атаковать, – ответил старый полководец.

– Где?

– Через те перевалы, о которых и думать не следует...

И вот ясным зимним утром конное войско тяжеловооруженных алпов выступило на север. Вели его неистовый Кюльтегин и многоопытный Тоньюкук.

Переход по зимней степи не представлял особых трудностей: дело привычное.

Но вот и Саяны. Как одолеть донникам эту громадную – до небес – заснеженную стену? Впервые многим показалось

---

¹ Енисею.

решение старого полководца неосуществимым. Но Тоньюкук спокойно обратился к принцу:

– Теперь слово за твоим слугой.

Неистовый выдвинул вперед маленького аза.

– Показывай дорогу...

И маленький аз повел. Он старался вести страшных воинов подальше от поселений своего малочисленного народа.

Шли день. Другой. Третий, четвертый, пятый... Поднялись высоко в горы. Здесь ветры были особенно сильны, морозы – невероятно злочие. Но маленький аз – «путеводитель» – уверенно шел вперед.

На шестой день разразилась пурга. Она длилась двое суток. Все это время кони и люди, укрывшись кто как мог, пережидали.

Утром восьмого дня встало солнце и горы засверкали нестерпимым блеском.

Снова двигались целый день. У многих оказались обморожены пальцы ног, рук, щеки и кончик носа. А выхода из дышащих холодом смерти гор все еще не было.

Утром девятого дня стало ясно, что «путеводитель» сбился окончательно. На его лице застыло выражение растерянности и отчаяния.

– Ты – предатель! – сказал старый полководец. – От тебя больше нет пользы. Эй, возьмите его!

Тотчас двое воинов схватили проводника и повели к обрыву. Он покорно шел между рослыми угрюмыми алпами. Лицо его теперь выглядело тупо-бесстрастным. Вот и конец жизни, конец мечте освободить сестру...

Тело маленького аза, пронзенное копьями, полетело в пропасть. Тотчас вслед за ним сорвалась снежная лавина, словно густой белый клубящийся дым, и навсегда похоронила его...

Кюль-тегин воззвал к своему наставнику:

– Отец! Придумай же что-нибудь! Неужели мы погибнем здесь, как погибают овцы во время степного бурана?

– Есть выход! – отвечал Тоньюкук. – Видишь эту гору, покрытую лесом? Там снега меньше. Нам ее придется одолеть.

Приготовили длинные шесты. Тоньюкук объяснил передовому отряду задачу:

– Вы должны протаптывать снег. За вами пойдут ослабевшие и обмороженные. Тащите лошадей в поводу.

Кюль-тегин, как всегда, возглавил передовых. Самые сильные воины, упираясь шестами, начали прокладывать дорогу вверх. Воины часто сменялись. Двигались весь день, ночь и еще день практически без остановки. Утоптанная дорога-туннель в глубоком снегу теперь змеилась на самую макушку горы и оттуда спускалась к подошве. Там передовые отряды задержались, поджидая отставших.

И вот последний воин присоединился к армии. Взорам открылись необъятные просторы... В снежном одеянии раскинулась большая страна. В вечернем солнце сверкали ровные поля, между ними стояли молчаливые леса под снеговыми шапками. В морозном воздухе там вдалеке поднимались к небу прямые, как мечи, столбы дыма...

СТРАШНАЯ НОЧЬ

...Морозная звездная тихая ночь. Слышно потрескивание деревьев в ближайшей роще...

И в эту тишину ворвался многомерный, многоголосый визжащий скрип мерзлого снега под тысячами копыт. Эта черная лавина как бы пожирала под ужасный скрип белое заснеженное пространство, текла со скоростью весеннего половодья... Именно так воспринял увиденное Тексин-инал, когда, позевывая, вышел из юрты по нужде.

Он дрался отчаянно. От его палаша отпалились в нижний мир к Эрклигу трое алпов. Еще трое, тяжелораненые, валялись на снегу. Но силы Тексина-ата уходили! Он обливался потом и кровью, дышал натужно, с хрипом, широко раскрыв рот. В этот хрипящий рот и вонзил копьё подскакавший молодой, полный сил Кюль-тегин...

Армия стремительно неслась вперед. И ужасный визг снега под копытами тысяч коней не намного опережал ее...

Прошла уже большая половина ночи, когда вырвавшиеся вперед отряды достигли Западного лагеря – в нем стояли Силы Помощи заставам. И опять все повторилось: яростный лай псов сменился жалобным воем, забегали фигурки... В этом «холостячком» лагере стояло до трех тысяч воинов, поэтому Тоньюк оставил пятитысячный отряд. Главное же ядро войска неудержимо катилось вперед, вперед! Неистовый Кюль-тегин вел эти силы. Он горел одним желанием – добраться до самого Барс-бега.

Когда Большая Медведица повернула свой ковш к утру, они достигли надолбов, окружавших ставку.

Здесь их встретили совсем по-другому. Как видно, службу при кагане несли бдительные стражи. А может, кто-то все-таки прорвался и предупредил...

Гнусаво затрубил боевой рожок. С вала в черную лавину, обтекавшую надолбы, ударила туча стрел. И сразу десятки всадников и коней покатались по снегу. От неожиданности на них валились следующие. Произошло замешательство. Алпы пытались с ходу взлететь на вал, но копыта скользили по обледенелым склонам, лошади вместе со всадниками съезжали вниз.

В одном месте гремел голос Кюль-тегина, в другом конце Тоньюк отдавал короткие, ясные приказания.

– Ищите вход! Ворота! Эй, Кюль-тегин!

– Ох-хой! Ворота здесь!

* * *

Ставка была взята. Сотни трупов валялись между большими юртами. Кричали женщины, захлебывались в плаче дети. Не слышно было только собак.

Но Барс-бег ушел...

Тюркам эта победа досталась недешево. Семьсот воинов забрал Бюрт – бог скорой смерти. Много оказалось раненых. Все это еще более распалило ярость Кюль-тегина. Он рвался немедленно броситься в погоню.

Однако мудрый Тоньюк остановил своего воспитанника: – Бюрты! Хватит пока! Барс-бега сейчас не догнать. Да в этом

и нет нужды. Он все равно будет наш – завтра, послезавтра. Войску надо отдохнуть, до полудня. Перевязать раны, подкормить лошадей...

В полдень по приказу старого полководца несколько больших отрядов двинулось по разным направлениям – разорять кыргызские кочевья, уничтожить боеспособных, сеять панику.

Главные же силы устремились в погоню за кыргызским каганом.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ В ЧЕРНИ СУНГА

Семидесятитрехлетний Барс-бег не слезал с коня уже вторые сутки. Оставшиеся с ним воины, израненные, угрюмые, ждали Слова: что делать дальше?

Небо наказало нас за беспечность, – говорил старый каган. – Но мы – воины. Нельзя падать духом. Кто же защитит народ, если не мы?

После этих слов молодым стало стыдно, они приободрились.

В этот тяжелейший час каган проявил недюжинную энергию. Горе как будто не коснулось его – он словно помолодел. А ведь два его брата погибли в Ставке, погиб один из трех взрослых сыновей и четыре внука-воина. И сам он был трижды ранен.

Барс-бег не стал создавать совет, теперь он распоряжался один, решительно и властно. И это придавало уверенность остальным: значит, он знает и надеется!

Каган приказал отправить спасенные семьи далеко на север к границам лесных народов. К управителям и родам, во все значительные кочевья немедленно поскакали вестники со Стрелой Войны. Приказ был один: всем силам собраться в черни Сунга.

Прошла уже вторая четверть после ночного разгрома. С вечера над ущельями, оврагами Сунга поднималась молодая луна. Она светила на кыргызский лагерь, на скалы, хвойные

леса – «чернь», на замерзшую реку. Каждый день и каждую ночь сюда прибывали новые и новые дружины. Добирались небольшие группы всадников, а то и одиночки. Спешили, спешили, спешили... Разведка, высланная каганом, доносила: тюркские отряды нащупали беглецов и теперь со всех сторон стягиваются к черни Сунга.

Битва началась с решительной атаки отборного отряда Кюль-тегина. Принц был всем замечен на своем белом коне. За ним, вдохновленные примером, кинулись в битву алпы. Но в него же, слишком выделявшегося, летели стрелы тучей. Лучшие вражеские бойцы стремились выбить батыра из седла. Пока это никому не удавалось.

Тюрки старались откинуть кыргызов от скал и сбросить в реку. Кюль-тегин могучим клином врезался в дружину Куличора и стал теснить. Но кыргызский военачальник собрал все силы и отбросил врага.

Обозленный Кюль-тегин распекал своих алпов, обзывал их сусликами и черепахами; он с позором прогнал в тыл десяток воинов, отступивших первыми. Там они немедленно закончили с собой.

Перегруппировав клин, принц вновь повел его в атаку. Он кричал:

– Эй, Куличор! Пастух! Трус, бьющий безоружного! Немощная старуха, нацепившая меч! Где ты? Прячешься за спины? Выходи! Пусть все увидят, так ли ты храбр в поединке, как в шатре своего ажо! Выходи, усатая потаскуха!

Он подскакал к бревенчатому валу. Один из кыргызских воинов не выдержал, вскочил на вал. Кюль-тегин пронзил его стрелой!

Под градом стрел алпы растащили бревенчатый вал и в образовавшуюся брешь хлынула тяжелая конница. Отряд Куличора опять начали теснить. Кыргызов медленно, но неуклонно отжимали к реке. Горячий Куличор призывал теперь Умай-эне и, проклиная трусов, бросился с несколькими телохранителями наперерез всаднику на белом коне. Он ударил врага копьем, но Кюль-тегин ловко отбил копьё своим круглым щитом и оно вонзилось в бедро благородного скакуна.

Конь взвизгнул от боли, поднялся на дыбы и тут же стал валиться набок. Уже падая, принц достал копьём врага: оно вошло Куличору ниже нагрудной пластинки в живот на целую ладонь... Уткула, бросившегося на помощь вождю, Кюльтегин сразил вторым ударом своего страшного копья...

В этом месте оборона кыргызов была прорвана и тюркские алпы ударили в бок остальному войску ажо-кагана.

Барс-бег бился в рядах как простой воин. Да и где тут было разобрать простых и начальствующих! Все смешалось. Дикие вскрики, стоны раненых, яростное тяжелое дыхание, ржание коней, топот копыт, лязг металла... За этой ужасной музыкой нельзя было слышать никаких команд. Битва стала неуправляемой, распалась на тысячи поединков.

Мужество и доблесть проявлялись в равной степени с обеих сторон. И те и другие призывали в помощь Тенгри и Умай-эне. Но у тюрков было два преимущества: численный перевес и непревзойденное воинское искусство. Эти преимущества решили дело. Тенгри и Умай, божественная чета, присудили победу сильнейшему.

...Три дня длилась битва в Черни Сунга. И вот настал четвертый день. Солнце встало над ущельями и оврагами, над остановившимися реками, над лесистыми склонами... на снежной кошме всюду лежали тысячи фигур в самых неестественных позах... С карканьем летали вороны и сидели на дальние березы.

Кюльтегин уже на другом жеребце объезжал место битвы. За ним почтительно следовала свита. Принц искал тело Барс-бега.

Тысяча алпов, знавших в лицо кыргызского кагана, осматривала каждого убитого.

Но Барс-бега не нашли. Об этом и доложили Кюльтегину.

– Не взял же его Тенгри к себе в голубые высоты! Не стащил же Эрклиг под землю! Ищите! – кричал разгневанный принц.

Алпы опять искали. Опять докладывали. Неистовый кричал опять. Алпы разводили руками... Нет, Барс-бег не мог убежать. Не такой он человек. Видели его, белобородого ста-

рика, в самой гуще боя. Этому нашлись десятки свидетелей. Утверждали также, что ажо-каган сразил несколько знаменитых батыров и сам получил множество ран. А вот что с ним дальше произошло, никто не мог сказать с достоверностью.

Напрасно искали его победители – чтобы восторжествовать. Напрасно искали побежденные – чтобы оплакать и совершить погребальный обряд. Барс-бег словно улетел. Навсегда.

ЭПИЛОГ

Поражение кыргызов в битве при Черни Сунга трагически отозвалось на судьбах всего народа. Снова – на тридцать с лишним лет – по Енисею стали тюркские гарнизоны. Вновь собирали дань, принуждали горных мастеров добывать руду, плавить железо, ковать для них знаменитые мечи.

В 745 г. Восточнотюркский каганат окончательно пал. Однако на смену старым завоевателям приходили новые. И так продолжалось столетие. Лишь в середине VIII в. государство енисейских кыргызов набрало силу.

Личность Барс-бега слабо освещена в исторической литературе. И не мудрено, слишком мало сведений о нем. Но одно ясно: он был несомненно выдающейся личностью и сыграл важную роль в судьбе кыргызского народа, в его консолидации.

Он явился объединителем кыргызских племен. Он первый и последний из правителей ажо принял титул кагана – высший титул в Степи – и тем самым заявил о полной независимости кыргызов от Восточнотюркского каганата. Он сделал попытку поставить кыргызский племенной союз в один ряд, как равный, с величайшими державами Центральной Азии. В его время этому не суждено было сбыться. Кыргызский народ не накопил еще достаточно сил и враги его были слишком могущественными.

В этом трагедия Барс-бега.

**КОШОК
(ПЛАЧ)
ПО БАРС-БЕГУ**

✦

Надписи на трех гранях памятной стелы из Алтын-келя в честь правителя кыргызов Барс-бега (начало VIII века)

*По тексту в реконструкции
и переводе С.Г. Кляшторного*

Левая сторона

Мать меня во чреве десять лун носила,
К моему народу приобщила.
Доблестью своей я утверждался,
С тьмой врагов отважно я сражался
И с народом в трауре расстался.

Увы!

Лицевая сторона

Вы дары в верблюжьих вьюках
Своим братьям присылали.
В том, что было на земле,
В доблестных своих деяньях
Пресыщения не знали.
Без отца вы доблестным героем были сами.
Псы за дичью гнались, по кочевьям мчались
Вы за псами.
Сгинь, дух смерти со своей нечистой силой!
Пропади!
Барс! О, Барс! Не покидай, не уходи!

Увы!

Умай-беги¹ – наше званье таково,
Храбрецы – бойцы народа своего!
Ты оставил шестерых – с собой не взял,
Скакуна оставил ты – с собой не взял,

---

¹ Знать под покровительством верховной богини Умай-эне.

Трех сосудов дорогих – с собой не взял.
О, сокровище! о, драгоценный барс!
Нас не покидай! Как прежде, радуй нас!

Правая сторона

О, дичь черни золотой Сунги моей,
Умножайся и рождай потомство впрок.
Барс быков покинул и коней,
Мир оставил и ушел в свой срок.

Увы!

Ради доблести моей военной
И могущества моих собратьев –
Старших моих братьев, младших братьев –
Мне воздвигли памятник нетленный.

*Стих. перевод
проф. М. А. Рудова*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ <i>Ж. Жеенбаев</i>	5
<i>Д. Джунушалиев</i> КЫРГЫЗСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ	7
<i>В. Мокрынин, В. Плоских</i> КАГАН БАРС-БЕГ И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В VI-XIII ВВ.	21
<i>Аман Газиев</i> БАРС-БЕГ, КАГАН КЫРГЫЗОВ	47
КОШОК (ПЛАЧ) ПО БАРС-БЕГУ (Стих. перевод проф. М.А. Рудова).....	69

БАРС-БЕГ, КАГАН КЫРГЫЗОВ

Редактор *Т.К. Песковая*
Компьютерная верстка *О.В.Агранат*

Подписано к печати 11.02.03.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.

Объем 5 п.л.

Тираж 200 экз.

Издательство «Илим»

Типография КРСУ